ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

В. М. Кириллин

РУССКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ В X–XVII вв.

§ I. Состояние образования на Руси в дошкольный период (XI–XVI вв.)

История русской образованности имеет свои корни в глубокой древности. По здравой логике, ее начало явилось следствием, во-первых, возникновения русской государственности и, во-вторых, распространения на Руси христианства, ибо сама форма государственного обустройства жизни людей, в отличие от предшествующей общинно-родовой, предопределяла более тесные и интенсивные международные контакты в политическом, экономическом, культурном аспектах, а христианизация вместе с усвоением основ веры предполагала, как минимум, поверхностное приобщение к христианской книжной традиции. И то и другое невозможно было без усвоения грамотности, – разумеется, очень ограниченной частью общества, – хотя бы на уровне чтения, письма и счета[1].

Какой бы гипотезы или теории относительно происхождения русского государства[2] ни держаться, очевидно, что основы такового довольно отчетливо определились ко второй половине IX в., когда на Руси из ряда древних городов выделились по крайней мере два государствообразующих центра – Новгород и Киев. Во всяком случае, так позволяют думать сохранившиеся летописные свидетельства (предания о Кие с братьями, об Аскольде и Дире, о Рюрике[3]). К тому же времени – 60-м гг. IX столетия – относятся известия о крещении по инициативе Константинопольского патриарха Фотия каких-то руссов[4] (впрочем, в науке до сих пор не нашли общепринятого решения вопросы этнического содержания данного термина[5] и точной датировки данного события[6]). С этими, может быть, неоднозначными фактами замечательно согласуется вполне бесспорный факт создания в 863 г. славянской азбуки и последовавшей затем славянизации святыми братьями Кириллом

и Мефодием и их учениками христианского богослужения и книжности в соседних с Русью славянских государствах – Великой Моравии, Паннонии и Болгарском царстве[7].

Так что о большой вероятности появления на Руси в указанное раннее время ростков христианства в процессе формирования государственных форм общественного бытия можно говорить положительно. Очевидно, однако, что христианами при подавляющем автохтонном язычестве были тогда, прежде всего, люди пришлые – греки, загадочные варяги, «немцы» (как прозывали тогда европейцев-неславян), в какой-то мере и уже просвещенные славяне. Все они, конечно же, оседали в городах и занимались торговлей, ремеслами, дипломатией, воинским делом, так или иначе, естественно, влияя на коренное население страны, но не оставив при этом глубокого следа. Кроме того, и собственно русичи, восточные славяне, по разным причинам побывав в христианских странах, в некотором числе могли приобщиться там к «новой» вере. К сожалению, тема эта, в силу отсутствия надежных сведений, не поддается детальной конкретизации. Одно лишь несомненно: что означенная стадия существования на Руси христианства отличалась случайно-лоскутным, мерцающим характером.

Фактологически более внятная информация относится к следующему периоду русской истории – к эпохе Киевского князя Игоря (умер в 945 г.) и затем его вдовы благоверной княгини Ольги († 969 г., память 11 июля). Например, по «Повести временных лет» известен, наряду с другими, мирный договор Игоря 944 г. с византийским императором Романом I Лакапеном о военно-торгово-правовых взаимоотношениях русских и греков, который с русской стороны был заверен как язычниками, так и христианами, причем последние (в тексте договора, правда, уточняется: «варязи») приведены были к «роте», т. е. к некому сакральному акту обещания, в Киевской «соборной» церкви пророка Илии[8]. Весьма подробно ПВЛ рассказывает и о воцерковлении в Константинополе княгини Ольги в 955 г.[9], хотя собственно дата этого события, подтверждаемого другими древними источниками, представляет собой серьезнейшую историческую проблему[10].

Таким образом, в Древней Руси еще до официального крещения имелись очаги христианской культуры. При этом естественно полагать, что само наличие христиан сопряжено было с наличием духовенства, по необходимости грамотного и обладающего некоей суммой знаний, а значит, и с наличием книг

и какого-то процесса обучения. Впрочем, об интенсивности и формах тогдашнего приобщения коренного населения Руси к христианскому образу жизни и, соответственно, к образованию приходится говорить только предположительно. Понятно лишь, что миссионерство могло осуществляться здесь и через посредство греков, и через посредство латинян, и через посредство славянских наследников кирилло-мефодиевского начинания.

Вполне определенное направление это дело получило лишь благодаря великому Киевскому князю Владимиру Святославичу († 1015 г., память 15 июля) после того, как он утвердил на Руси христианство в качестве государственного вероисповедания (988 г.), начав тем самым христианизацию восточных славян. Рождение в ходе данного процесса Русской Церкви как новой митрополии Константинопольского Патриархата[11] не только повлекло за собой постепенное и неуклонное умножение духовных лиц и мест для славословия Божия, но потребовало и просвещения народа. Последняя задача значительно облегчалась благодаря более чем 100-летнему существованию славянской письменности и книжности, давним контактам Руси со славянским миром, особенно с балканскими славянами, и, наконец, сложившимся к тому времени славянским образовательным традициям.

ПВЛ в статье за 988 г., посвященной истории личного крещения Владимира Святославича в Корсуни и общего крещения подвластного ему народа в Киеве, сообщает о последовавшем затем княжеском распоряжении повсеместно «поимати у нарочитые чади дети» ради «учения книжного»[12]. Это летописное свидетельство породило разные ученые мнения.

Прежде всего, очевидно, что оно могло подразумевать лишь наиболее крупные русские городские поселения, где действительно в эпоху Владимира уже имелись христианские храмы и, соответственно, были люди способные учить «книгам». Летописные указания и археологические материалы применительно к концу X – первой трети XI в. позволяют говорить в данном отношении лишь о четырех городах – Киеве (три церкви), Новгороде (две), Чернигове и Тмутаракани (по одной)[13]. Однако надо все же понимать, что реально процесс храмоздательства (каменного и деревянного) и вместе с тем увеличения числа духовенства шел на Руси в указанное время совсем не так, как можно его представлять по весьма ограниченному кругу источников. Например, в созданном в XI столе-

тии панегирике Владимиру Святославичу утверждается, будто этот новый Константин «*всю* землю Русскую[14] и грады *вся* украси святыми церквами»[15], а согласно еще более раннему свидетельству немецкого хрониста Титмара, епископа Мерзебургского, в 1018 г., во время правления Святополка Ярополчича (Окаянного), в одном только Киеве было 400 церквей[16]. Статистические же подсчеты, основанные на разных фактах, относящихся ко времени до 1240 г., позволяют полагать, что в домонгольской Руси было до 10 000 городских и сельских, монастырских и домовых храмов[17] (разумеется, гипотетичность данного допущения совершенно открыта для коррекции, но мысль о весьма значительном числе храмов несомненна[18]).

Приведенное выше свидетельство ПВЛ не позволяет также точно судить о деловых целях обучения изъятой из родных пенатов молодежи. Не ясно, кого Киевский князь чаял в результате получить – служителей Церкви или же помощников себе по управлению государством. Неочевидными также представляются порядок и характер обучения: кто учил, в какой форме, по каким методикам и чему именно, в рамках общественной школы или же частно.

В самом деле, митрополит Макарий (Булгаков), например, разделяя мнение ревностных защитников именно школьной основы русской христианской культуры[19], допускал, что «училищ книжных» уже при Владимире было открыто «множество»; но все они являлись «приходскими» и «первоначальными», т. е. предназначены были обучать будущих священно- и церковнослужителей – «славянской грамоте» и «церковному пению», а иногда даже и «языку греческому»; при этом в первую очередь образование получали княжеские дети[20]. Напротив, Е. Е. Голубинский сомневался и в масштабности этого процесса, и в том, что набранных согласно воле князя отпрысков восточнославянских аристократических семей учили именно для практических нужд Русской Церкви. С его точки зрения, «казенные училища» тогда все же не появились. Учили в индивидуальном порядке отдельные просвещенные греки всему тому, «что было в Греции», стремясь дать обучаемым настоящее «научное образование» именно для государственной пользы. Но так продолжалось очень недолго – прежде всего, из-за преимущественного отсутствия в высших слоях русского общества заинтересованного отклика на княжескую инициативу. Кроме того, наряду с учеными мужами делом образования русичей и с более широким социальным охватом за-

нимались еще – опять-таки приватно – простые «учители грамотности» (по поздним источникам, «мастера») собственно славянского происхождения или же обрусевшие греки, духовного звания или же миряне, которые при этом ограничивались задачей научить лишь чтению и письму[21].

В возникшем таким образом споре[22], судя по историко-педагогической научной и публицистической литературе, сформировались разнополярные мнения. Большинство составляют защитники существования в Киевской Руси организованной системы школьного образования[23], вплоть даже до высшего, классического[24], ориентированного на последовательное освоение грамматики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, музыки, астрономии[25]. Меньшинство – сторонники более осторожного и сдержанного мнения о ходе просветительной работы и характере ее образовательной составляющей в древнерусском обществе; согласно этому мнению, основу всего обучения, независимо от его конкретных целей, составляли церковно-богослужебное знания, в редких случаях дополняемые знакомством с иностранными языками[26]. Имеется и примирительная точка зрения. Замысел Владимира Святославича дать аристократической молодежи «полный цикл наук» не удался. Причин тому несколько: Византия не могла явить России пример настоящей систематически организованной государственной школы[27], греки-наставники имели опыт лишь приватного и свободного учительства, к тому же не обрели в России достаточного материального и нравственного «поощрения», столкнувшись с известным сопротивлением со стороны народа, поэтому смогли дать «надлежащее образование лишь немногим единичным талантливым лицам» и в дальнейшем «низошли в своей деятельности до обучения простой грамотности»[28].

Как бы то ни было, но начатый Владимиром Святославичем процесс принес свои плоды. Доказательство тому – ряд косвенных и прямых данных. Например, летописи свидетельствуют об усилиях Ярослава Мудрого распространить просвещение: в 1030 г. он собрал в Новгороде «детей 300 учити книгам»[29], а затем уже в Киеве при Софийском соборе организовал дружину грамотников и знатоков греческого языка, которые перевели и скопировали «книгы многы, ими же поучащеся верни людье наслажаются ученья божественаго»[30]. Надписи на разных обиходных предметах (посуда, нательные кресты-энколпионы, придорожные кресты, пряслицы т. п.)[31], записи,

нацарапанные на стенах храмов (граффити)[32], и особенно берестяные грамоты, найденные в Новгороде, Смоленске, Пскове, Витебске, Твери, Москве и других городах[33], недавно обнаруженная в новгородской земле цера начала XI в.[34] – все эти источники указывают не только на географическую, но и на социальную, гендерную[35], возрастную широту распространения, по крайней мере, тривиальной грамотности в древнерусском обществе конца X–XIII вв., разумеется, прежде всего, городском (которое, по гипотетическим подсчетам, к началу XIII столетия составляло порядка 400 000 человек при общем примерном населении Киевской Руси в 7 миллионов[36]). Однако некоторые желающие, несомненно, имели возможность получить и более глубокое образование[37]. «Послание» митрополита Киевского Климента Смолятича (1147–1155) Фоме «прозвитеру Смоленскому» позволяет предполагать, что на Руси в XII в. применялись византийские школьные методы углубленного изучения конкретно греческой грамматики: «Григорей знал алфу, яко же и ты [Фома. – *В. К.*], и виту подобно, и всю 20 и 4 словес грамоту. А слышишь ты, ю [есть. – *В. К.*] у мене [Климента. – *В. К.*] мужи, им же есмь самовидец, иже может един рещи алфу, не реку на сто или двесте, или триста, или 4-ста, а виту – тако же»[38]. Здесь, вероятно, речь идет о так называемой схедографии (от *греч.* σχίζω разделяю), т. е. об обучении посредством заучивания выписанных в алфавитном порядке отдельных слов (до четырехсот и, может быть, более на каждую букву) с парадигмами склонения и спряжения и с лексикологическими, орфоэпическими и орфографическими пояснениями[39]. Трактат Кирика Новгородца «Учение, им же ведати человеку числа всех лет» (1136 г.)[40] указывает на глубокую осведомленность автора относительно сложных, основанных на математических знаниях, хронологических и пасхальных расчетов[41]. Корпус известной в Киевской Руси переводной книжности являет удивительное многообразие русских читательских интересов[42]. Здесь достаточно упомянуть знаменитый «Изборник», переписанный с болгарского оригинала в 1073 г. по заказу великого Киевского князя Святослава Ярославича[43], – несомненно, красноречивейшее отражение этого многообразия. Более 380 статей книги были созданы 25 христианскими писателями II–IX вв. (свв. Дионисием Ареопагитом, Василием Великим, Августином Блаженным, Иоанном Дамаскиным и др.) и касались самых разных областей знания: библейской экзегетики, богословия, философии, истории, зоологии и ботаники, ме-

дицины и антропологии, астрономии и астрологии, календаря, литературных приемов художественной выразительности, грамматики. Но особенно показательно то, что означенный энциклопедический сборник был весьма популярен в мире Slavia Ortodoxa: его переписывали вплоть до XVIII в. В частности, в России копии сборника имелись, например, в библиотеках Новгородского Софийского собора, Кирилло-Белозерского и Волоколамского монастырей[44]. Иными словами, среди русских читателей были ценители, образованность которых позволяла им понимать весьма сложное содержание книги. К числу подобных ученых мужей, несомненно, принадлежали уже первые собственно русские писатели – митрополит Иларион («Слово о Законе и Благодати»), насельник Киево-Печерского монастыря Иаков («Память и похвала русскому князю Владимиру»), преподобный Нестор Летописец (ПВЛ, жизнеописания благоверных князей Бориса и Глеба и преподобного Феодосия Печерского), великий Киевский князь Владимир Мономах («Поучение к детям»), святитель Кирилл Туровский (гимнографические, экзегетические и гомилетические сочинения), упомянутый уже Климент Смолятич («Послание к Фоме Смоленскому»), игумен Выдубицкого Михайловского монастыря Моисей («Киевская летопись»), неизвестный составитель Галицко-Волынской летописи. Их литературная работа есть, бесспорно, результат по-настоящему просвещенного интеллекта и отточенного образованием мастерства. Надо полагать, среди русичей находились и светски образованные люди. Это, во всяком случае, подтверждается блистательными литературными памятниками – «Словом о полку Игореве» и «Молением Даниила Заточника», а также несколькими древнейшими законодательными актами – «Русской правдой», княжескими «Уставами» и «Уставными грамотами», новгородской и псковской «Судными грамотами»[45]. Да и по здравом размышлении понятно, что успешное развитие какого бы то ни было государства (а Киевская Русь среди современных ей европейских государств была далеко не последней) вряд ли возможно без разного рода мужей совета и дела, «ведцев».

Таким образом, что бы ни думать о деталях, бесспорным оказывается сам вывод, что важнейшим следствием христианизации восточного славянства стала возможность *учиться*, открывшаяся для желающих. При этом люди либо удовлетворяли свою потребность малым[46], либо – в исключительных случаях – стремились умножить свои знания[47], стать «преизлиха на-

сытившимися сладости книжныя» (именно к таковым во второй четверти XI в. обращал свою блистательную речь знаменитый Иларион). Об очевидной успешности этого процесса самообразования можно положительно судить по многочисленным сохранившимся рефлексам, – причем являемым не только литературой, но и другими сферами древнерусской культурной деятельности (градостроительной, храмоздательской, иконописной)[48]. Весьма красноречив также факт наличия древнерусских книголюбов (новгородский посадник Остромир[49], ростовский князь Константин Всеволодович[50] и др.) и, соответственно, библиотек (монастырских, приходских, владычных, княжеских, боярских, купеческих и т. д.)[51]. Между прочим, предпринятые подсчеты относительно вероятного общего числа книг, имевшихся в домонгольской Руси, – как церковного обихода (богослужебных и четьих), так и внелитургической предназначенности (религиозных и светских), – привели к примерному итогу в 140 000 томов[52]. Правда, в данном случае учитывались только церковнославянские тексты и совсем без внимания остались, несомненно, востребованные какой-то частью древнерусского общества произведения на греческом и даже на латинском языках. Да и вообще означенная цифра весьма условна. Ибо – при лучшей сохранности собственно церковной литературы и при понятной логике выведения ее возможного объема (по предполагаемому числу храмов) – книг, появление и распространение которых не было предопределено Уставом Церкви, осталось (особенно от киевского периода древнерусской письменности) ничтожно мало[53] и их былое количество даже гипотетически нельзя представить.

Зато, к счастью, имеются данные (хоть и поздние) о ходе самообразования. В частности, согласно свидетельству Епифания Премудрого (конец XIV в.), святитель Стефан, епископ Пермский, еще будучи простым иноком Ростовского Григорьевско-Богословского монастыря[54], «*прилежно* же имяше обычай почитати почитание книжное и не бедно учениа ради *умедливая* во ученьи, но дондеже до конца *поистине уразумеет* о коемждо стисе словеса: о чем глаголет, ти тако протолковаше… И аще видяше мужа мудра и книжна и старца разумична и духовна, то ему *совопросник и сбеседник* беаше. И с ним соводворяшеся и обнощеваше, и утреневаше, *распытая* ищемых скоропытне… Желая же большаго разума, яко образом любомудрия *изучеся и греческой грамоте*, и книги греческия извыче, и добре почиташе я, и присно имеаше я у себе…»[55]. Этот рассказ побуждает,

по крайней мере, к двум выводам: лучшим местом на Руси для обретения книжной мудрости был, несомненно, монастырь, и в подобных *университетах*, таким именно способом – через чтение и собеседничество – свое *высшее образование* получали преимущественно все те, кто склонен был к умственному труду.

Что же касается начального уровня грамотности, то на эту тему вполне можно говорить более основательно. Как уже отмечалось, учили и учились на Руси частным образом. Государственных школ не было. Были наставники из духовных (священнослужители, дьячки, монахи) и из мирян (вольные мастера или служилые – княжеские, владычные – люди), бравшиеся учить по договору за определенное вознаграждение. Обучение – групповое или индивидуальное – осуществлялось либо при дворе князя, архиерея, боярина, купца, либо непосредственно в доме учителя, но преобладающую образовательную роль играли, бесспорно, монастыри и приходские церкви. И в любом случае характер обучения был церковно-религиозным, направленным на укрепление христианской веры и воспитание нравственности[56]. Об этом красноречиво свидетельствует созданная еще в кирилло-мефодиевскую эпоху толковая азбука, или «Азбучная молитва» (Аз словом сим молю ся Богу. / Боже всеа твари и зиждителю / видимыим и невидимыим! / Господа Духа посли живущаага, / да вдъхнет в срьдце ми слово, / еже будет на успех всем, / живущиим в заповедьх ти…[67]). Учиться начинали с детства, по достижении «возраста смысла», согласно, например, «Житиям» преподобных Феодосия Печерского и Авраамия Смоленского[58], и учеба, в зависимости от конкретных задач, складывалась поэтапно. На порядок освоения букв, чтения, письма и счета указывают, в частности, берестяные грамоты второй четверти XIII и XIV в. (№ 46, 199–208, 287, 342) и цера XIV в.[59] А вот тайну того, чем овладевали дальше, раскрывают только поздние известия. В самом конце XV столетия, например, святитель Геннадий, архиепископ Новгородский, в «Послании» к митрополиту Московскому и всея Руси Симону, ходатайствуя об учреждении школ для духовенства, так отзывался об известном ему обычае. Многих претендентов, приходивших к нему рукополагаться в священники или дьяконы, оказывается, учили «мужики невежи» – сначала «вечерне», затем «завтрене» и отдельно «часам», но при этом лишь портили «робят», ибо ученик «от мастера отъидет» и «толко-то бредет по книге, а церковного постатия ничего не знает». По убеждению заботящегося о распростра-

нении настоящей грамотности владыки, этот порядок должен быть изменен: «А мой совет о том, что учити во училище первое азбука граница, истолкована совсем[60], да и подтительные слова[61], да псалтыря с следованием накрепко. И коли то изучат, может после этого проучивая и конархати и чести всякыя книги». Вместе с тем архиепископ Геннадий признает, что среди ставленников попадались ему и достаточно образованные («грамоте горазды»), которых перед рукоположением оставалось только научить ектеньям и уставу богослужения[62]. Но, как верно замечено, таковые среди желающих священнодействовать встречались крайне редко[63], т. е. в большинстве своем претенденты были все-таки чрезвычайно малограмотны. Главное, однако, в данном свидетельстве то, что оно ясно раскрывает основу, характер, цели и уровень практиковавшегося на Руси обучения: вслед за азбукой усваивали богослужебные тексты, последования и правила, причем, видимо, вовсе не обязательно вместе с навыками письма. И, несомненно, такое направление, будучи установлено при самом начале русской образованности, сохранялось веками. В широкой народной среде даже в новое время так – по Букварю, Часослову и Псалтири – учили и учились вплоть до XIX столетия, а в древности, еще в XVII в., этот курс (разве что с разным тщанием и полнотой) проходили и крестьянские, и купеческие, и поповские, и боярские, и княжеские, и царские дети[64]. Важно также отметить, что святитель Геннадий, явно неудовлетворенный плачевным состоянием школьного дела в его время, ратует за создание и более организованной и более эффективной школы, рассчитывая при этом не на частную инициативу, а на волю и попечение со стороны либо государственной, либо церковной власти и заботясь все-таки не вообще о школе, а конкретно о школе на потребу Церкви.

Размышляя о состоянии русской образованности и школьного дела в Средние века, многие исследователи отмечают их сравнительно высокий уровень в эпоху Киевской Руси и последующую постепенную деградацию. Однако такой вывод явным образом противоречит бесспорному факту поступательного развития в течение XIV–XVI вв. государственности (в частности, системы городов и структуры власти), Церкви (в частности, ее статусного положения, епархиальной и монастырской системы), всего общества (в частности, его социальной дифференциации, идейных умонастроений и культурных потребностей). Действительно, после монголо-татарской порухи обра-

зованность уже в пределах Северо-Восточной Руси, включая и Новгородские земли, становится достоинством и привилегией все более узкой части общества, даже в церковной среде; вместе с тем и процесс начального обучения неумолимо теряет свое качество и масштабность охвата. Но – странная вещь: при общем снижении образовательного уровня тем сильнее и ярче проявляли себя в области творческой и интеллектуальной отдельные русские люди (оставаясь, правда, в рамках христианского знания и православной мысли). Указанное время – это период напряженнейшей и плодотворнейшей работы зодчих, иконописцев, историографов, писателей. В частности, к нему, вопреки низкому общему состоянию русской образованности, относится целый ряд не привнесенных извне посредством заимствования и не связанных с деятельностью иммигрантов, а созданных самостоятельно своими – русскими – грамотниками книжно-литературных явлений по-настоящему концептуального свойства и сравнительно вершинного достоинства. Речь идет о фактах, очевидно мотивированных определенными идейными посылками и четко нацеленных на решение тех или иных больших задач филологического, богословского, историософского, политического, социологического свойства.

Так, в конце XIII или в XIV в. на Руси составляют «Толковую Палею» – энциклопедический сборник ветхозаветных и апокрифических сведений об устройстве и истории мира, снабженных полемико-богословскими размышлениями[65] (в наиболее целостном виде книга сохранена рукописью начала XV в.[66]). Тогда же появляется новый – собственно древнерусский – перевод с греческого языка всего новозаветного текста Священного Писания, основанный на осознанном и четком представлении о лексической, грамматической, синтаксической, орфографической, графической норме[67] (этот перевод, в частности, представлен знаменитой рукописью «Чудовского Нового Завета» середины XIV в., возможно, принадлежавшей некогда святителю Алексию, митрополиту Московскому[68]). На рубеже XIV–XV вв. творит беспримерный доселе мастер слова Епифаний Премудрый, сумевший в блистательных жизнеописаниях святителя Стефана Пермского[69], преподобного Сергия Радонежского[70], благоверного московского князя Димитрия Ивановича[71] явить себя не только искусным рассказчиком, стилистом, ритором, владеющим разными литературными формами и приемами, но и глубоким мыслителем, проницательнейшим знатоком христианского духовного опыта, христианского

знания о Боге, человеке, истории[72]. В XV столетии библиотеку русского чтения пополняет трактат «О небеси», уникальный по своей полноте памятник отечественного естествознания, свод космологических, астрономических и метеорологических сведений, отражающий удивительные кругозор и культуру составителя[73]. Одновременно появляются руководства – «Письмовники», в которых был зафиксирован накопленный русской культурой литературно-повествовательный опыт взаимообщения, содержались в виде рекомендательных моделей образцы разных эпистолографических текстов и стилей[74]. О поразительной энциклопедической широте читательских интересов свидетельствуют книги, переписанные или заказанные во второй половине XV в. иеромонахом Кирилло-Белозерского монастыря Евфросином[75], сумевшим весьма последовательно реализовать свои библиофильские запросы по предметам богословия, церковного права, музыки, истории, беллетристики, зоологии, медицины и т. д. Созвучно деятельности этого грамотника в 1499 г. в Новгороде Великом посредством организованной собирательской, переводческой и редакторской работы был составлен первый во всем мире Slavia Ortodoxa исчерпывающий свод книг Священного Писания – «Геннадиевская Библия». Эта работа имела своей целью не только ревизию и восполнение всего известного на Руси предания Ветхого и Нового Заветов, но еще и решение поставленных жизнью богословских задач[76]. В конце XV – начале XVI в. святитель Вассиан, архиепископ Ростовский, и затем старец псковского Елеазарова монастыря Филофей вырабатывают в своей публицистике[77] теоретические основы нового на Руси учения об особой – предопределенной Богом – исторической роли Московского государства и Русской Церкви во всем христианском мире. Это учение, отразившись в ряде литературных сочинений XVI в., но особенно в замечательных по замыслу и исполнению историографических компиляциях – «Русском хронографе» (1512 г.)[78], «Никоновской летописи» (20–50-е гг. XVI в.)[79], «Степенной книге» (1563 г.)[80], «Лицевом летописном своде» (1568–1576 гг.)[81], будет вплоть до эпохи Петра Великого питать национальное самосознание русского общества и, соответственно, государственную и церковную политику и дипломатию. Согласно с наметившейся в русской книжности тенденцией к обобщению, в XVI в. осуществляется фундаментальнейшая коллективная работа по составлению Великих Миней Четий. Более 20 лет руководил ею как органи-

затор архиепископ Новгородский, а затем Предстоятель Русской Церкви Макарий, создав три редакции этого 12-томного сборника и стремясь совокупить в нем исчерпывающий корпус текстов о христианской вере, благочестии, богомудрии, святости, подвижничестве, духовном опыте Церкви[82]. Весьма любопытны также теоретические размышления о происхождении славянской письменности и о славянском языке, предпринятые в середине XVI в. иноком Герасимо-Болдинского Троицкого монастыря Иосифом в трех, содержащихся в одной рукописи, сочинениях (Послание митрополиту Макарию о составлении алфавитов[83], «Летописец и сказание ко учению и рассуждение о фониаде вкратце»[84], «Сказание о сложении азбук и о составлении грамот...»[85]). Этот опыт фиксирует пробудивший-ся на Руси – видимо, не без влияния со стороны преподобного Максима Грека – просвещенный интерес к истории языка, к его фонетическому строю, к педагогической методике освоения грамоты. Наконец, на исходе XV и затем в XVI столетии библиотека русского чтения пополняется собственными богословскими сочинениями, всесторонне и подробно излагающими христианское вероучение, традиции и правила христианской жизни – «Книгой на новгородские еретики, или Просветителем» преподобного Иосифа Волоцкого[86], «Книгой о Святой Троице» иеромонаха Ермолая-Еразма[87] и трактатом «Истины показание к вопросившим о новом учении» иеромонаха Зиновия Отенского[88]. В силу того, что все три сочинения были вызваны к жизни реальной ситуацией «брожения умов» в обществе, богословский дискурс сопрягался в них с полемической задачей преодоления религиозных умствований и прегрешений против православного вероучения, миропонимания, поведенческих норм. Именно поэтому означенные книги были очень высоко оценены русскими читателями и впоследствии не раз привлекались в качестве авторитетных источников к спорам о вере.

Здесь не место для подробной характеристики интеллектуальной жизни русского общества XIV–XVI вв. Показательных фактов вкупе с приведенными (и наряду с содержательными особенностями востребованной на Руси литературы иноязычного происхождения – богословской, философской, исторической, естественнонаучной[89]) немало, как бы разнообразны и иной раз полярны по своей содержательной сути они ни были. Значительно можно было бы пополнить также ряд ярких в плане образованности и творческой плодотворности ав-

торов: это, например, еще преподобный Нил Сорский, боярин Ф. И. Карпов, протопоп Благовещенского собора в Московском кремле Сильвестр, боярин В. М. Тучков-Морозов, князь А. М. Курбский[90]. Все указанные факты и имена, несомненно, весьма красноречиво доказывают высокий уровень просвещения отдельных личностей – тех, кто созидал, кто умел точно воспроизводить полученные знания, был способен самостоятельно и, главное, концептуально, прагматично, ради тех или иных целей выстраивать свои знания в систему, и тех, кто умел понять созданное, сохранить его, применить, обогатить и, следовательно, воздать ему должное. Правда, имеющаяся информация позволяет думать в данном отношении лишь о церковно-религиозной образованности и лишь очень узкой социальной среды – духовенства, да и то далеко не всего. К этой церковной интеллектуальной элите примыкала также некоторая часть боярства и дворянства, государевых служилых людей – дьяков и подьячих, например, Посольского, Поместного, Разрядного, Разбойного приказов, а также боярских и владычных слуг, которым по их профессиональным обязанностям сверх навыков в чтении, письме, счете надлежало знать также иностранные языки, историю, географию, землемерие, право и т. д. Иными словами, указанная социальная группа общества обладала необходимой специальной подготовкой, – скорее всего, обретаемой постепенно по ходу дела и возрастания в чинах. Во всяком случае, применительно к XVII столетию известно, что в некоторых Приказах целенаправленно осуществлялось профессиональное обучение подьячих и молодых дьяков[91]. Надо думать, подобная практика имела место и в более ранние времена.

Однако хорошо образованных людей в Московской Руси все же было крайне мало. Совсем недостаточно было и школ: о них как явлении почти изжитом говорили в 1551 г. участники знаменитого Стоглавого собора («А преже всего в росийском царствии на Москве и в великом Новегороде и по иным городом *многия училища бывали*, грамоте и писати и пети и чести учили»). Вместе с тем соборяне, констатировав очень низкий уровень обученности желающих служить Церкви («А отцы их и мастеры их и сами потому ж мало умеют и силы в божественном писании не знают, а учитися им *негде*»), обязали духовенство впредь обучать детей грамоте («И мы о том по царскому совету соборне уложили, в царствующем граде Москве и по всем градом тем же протопопом и старейшим

священником и со всеми священники и дьяконы, кийждо во своем граде, по благословению своего святителя, избрати добрых духовных священников и дьяконов и дьяков женатых и благочестивых, имущих в сердцы страх божий, могущих и иных пользовати, и грамоте бы и чести и писати горазди. И у тех священников и у дьяконов и у дьяков *учинити в домех училища*, чтобы священницы и дьяконы и все православные хрестьяне в коемждо граде предавали им своих детей на *учение грамоте и на учение книжнаго писма и церковнаго петия псалтырнаго и чтения налойнаго*»)[92]. При этом, хотя и подразумевался социально никак не ограниченный круг учащихся, всем им одинаково надлежало получать именно церковное образование, то есть, помимо грамоты, научаться особому чтению и пению «божественных» текстов. Иными словами, в определениях «Стоглава», подобно прежним планам святителя Геннадия Новгородского, опять-таки речи нет о каком-то ином – не специально церковном – характере обучения. Решения Собора, таким образом, отражали не вообще потребность русского общества в образованных людях, а лишь нужду сугубо Церкви в грамотном духовенстве. Как бы то ни было, но дефицит просвещения еще очень долго оставался не только неразрешимой проблемой жизни Московского государства, но и слабо осознаваемой проблемой.

§ II. Культурно-исторические предпосылки появления в Московской Руси систематических школ в XVII в.

Первые побуждения к устранению дефицита образованных людей в русском обществе относятся только ко времени царствования Бориса Годунова (1598–1605), который, будучи «сторонником культурных новшеств и заимствований с Запада»[93], всерьез думал о просвещении, по крайней мере какой-то части русского общества, как о государственной политике. Известно, что он попытался было учредить в Москве школы и чуть ли не университет с привлечением для преподавания в нем разных специалистов из западноевропейских государств и даже реально предпринял их поиски. Однако государевой воле, по мнению жившего тогда в России немца Конрада Буссова, твердо воспротивилась Церковь, опасавшаяся влияния иноверцев, вполне способного сбить наивные умы с пути истинного и вызвать общественные раздоры[94]. Правительство

Годунова вело, кроме того, переговоры с Польшей относительно организации процесса взаимного обмена юношами ради «службы» и «науки». Планы царя были отчасти практически реализованы. Так, согласно документам Посольского приказа, в 1602 г. четверо дворянских отпрысков отбыли в Англию «для науки латынскому и аглинскому и иных разных немецких государств языков и грамот»; с аналогичной целью и в 1603 г. несколько молодых людей были отправлены в Германию, Францию, Австрию. Успешному исходу этого дела, однако, помешали смерть Бориса Федоровича и все то, что в народе получило точное название Смуты. О посланцах России забыли. Спустя годы лишь одному из них – Игнатию Алексееву сыну Кучкину – удалось вернуться домой[95]. Правда, после воцарения Михаила Федоровича Романова были предприняты розыски заживших за границей «робят», но усилия заполучить их назад закончились безуспешно: одних не нашли, другие уже умерли, третьи воспротивились призыву отечества[96]. Так что инициатива Годунова обернулась полной неудачей.

Тем не менее предпринятая попытка точно отобразила действительную нужду русского общества в просвещении и столь же точно обозначила уже определившиеся тенденции дальнейшего общественного развития. В границах Московского царства жизнь заметно менялась: сказывались политические и деловые контакты с Европой, усиление государственной власти, территориальное расширение, организационные изменения в сфере производственной деятельности, возникновение новых фактов церковно-религиозного свойства. Все это предполагало наличие не только грамотных людей, но и образованных специалистов. Особенно сильным аргументом в пользу просвещения стало книгопечатание. Оно со всей нелицеприятной откровенностью обнаружило серьезный разнобой в бытии русских людей применительно к чрезвычайно важной для них области – богослужебному обиходу. Прежде на местах, в монастырях и в приходских храмах, была устойчивая преемственность, основанная на своей, узко локальной, но освященной временем рукописной и изустной традиции. Печатный станок открыл сразу многим людям (тираж книги с одной матрицы обычно до 1200 экземпляров, рукопись же всегда уникальна), что у них – в Смоленске, Курске, Твери, Владимире, Новгороде и т. д. – все не так: достаточно было сравнить текст, например, своего исстари возглашаемого за богослужением Апостола с тем печатным, который был прислан из Москвы или ку-

плен в Вильне, Киеве, Львове. Да и в самой Москве – на Неглинке или в Замоскворечье обнаруживались отличия между рукописными книгами и теми, что были изданы московскими печатниками: другое ударение, другие слова, окончания, иная структура предложений, подчас иной набор и порядок следования отдельных частей. Все это требовало огромной работы по исправлению и унификации богослужебных текстов и, соответственно, по подготовке образованных кадров. Но именно здесь и скрывалась главная причина неизбежной общественной коллизии, в которой сложнейшим и драматичнейшим образом переплетались благие намерения, привычки, просвещенность, необразованность, степень понимания, сила неприятия, стремление сохранить, желание улучшить, идеализм, нетерпимость, амбиции, страсти и т. п. Иными словами, возникал острый конфликт между старым и новым, когда осознание необходимости перемен, явно созрев, приводило к практическим действиям, но последние оказывались камнем преткновения, – как, например, при исправлении богослужебных текстов преподобным Максимом Греком († 1556 г., память 21 января / 3 февраля)[97], или по случаю пересмотра «Потребника» 1602 г. преподобным Дионисием Радонежским со товарищи († 1633 г., память 12/25 мая)[98], или в связи с книжно-обрядовой реформой патриарха Никона (ум. 1681 г.)[99]. Столь же трудно и трагично формировалась у нас и школа нового типа, ориентированная на систематическое изложение какой-то определенной суммы знаний.

Первые успешные шаги в этом направлении, однако, были сделаны не в Московской Руси и не благодаря деятельной заботе церковной власти о просвещении народа. Своим рождением правильно организованные школы обязаны самостоятельной народной инициативе, братскому движению в Юго-западной митрополии в условиях борьбы православного населения Речи Посполитой против культурно-религиозной экспансии со стороны католической и униатской Церквей. Так, здесь последовательно возникают школы: Острожская (до 1581), Виленская (1584), Львовская (1586), Брестская (1591), Киевская (1615), Луцкая (1624) и многие другие[100]. Все братские школы, в отличие от прежних частных, существовали на средства братств и, выполняя широкую просветительную работу в духе православия, были общественными, т. е. бесплатными и всесословными. Поэтому обучение в них не ограничивалось только чтением, письмом, пением, счетом. Наряду с языками (церковнославян-

ским, латинским, русским, польским, но особенно греческим) здесь основательно изучали правила Церкви, Пасхалию, Священное Писание и Предание, учение о добродетелях, о праздниках, догматику, но также и грамматику, арифметику, риторику, диалектику[101]. В 1632 г. по инициативе киево-печерского архимандрита Петра Могилы основанное им при Лавре «для преподавания свободных наук» училище было объединено с Киево-Богоявленской братской школой, и в результате образовалась знаменитая впоследствии Киево-Могилянская коллегия (с 1701 г. – Киево-Могилянская Академия, с 1819 г. – Киевская Духовная академия). Обучение здесь велось теперь на латинском языке и с опорой на схоластические методы, разработанные в католической Европе иезуитской школьной традицией. При этом практиковалась уже вполне сложившаяся система: учащиеся последовательно проходили через 8 классов, возвышаясь от уровня простой грамотности до уровня богословия и попутно осваивая весьма широкий круг светских и церковных дисциплин[102], в рамках так называемых семи свободных искусств, или наук, – грамматики, риторики, диалектики (trivium – с *лат.* трёхпутие) и арифметики, геометрии, астрономии, музыки (quadrivium – с *лат.* четырёхпутие).

В Московском же государстве в это время, если говорить о желающих стать грамотными, по-прежнему преимущественно сохранялся старинный обычай обучения в частном порядке и лишь азам с возможностью последующего самообразования. Разумеется, такое положение вещей к XVII в. стало уже весьма обременительным для общества, особенно для Церкви.

Во-первых, низкий уровень образованности был благоприятной почвой для распространения и среди мирян, и среди духовенства всякого рода нездоровых или деструктивных по отношению к христианскому вероучению и образу жизни идей; такой же результат, кстати, нередко имел место и при начетничестве без правильного руководства, а также при увлечении инокультурной – в частности, западноевропейской – системой ценностей. Характерным отражением того и другого, например, являются ереси «стригольников» (XIV–XV вв.) и «жидовствующих» (XV–XVI вв.)[103], прохлыстовское учение лжесаваофа Данилы Филиппова (XVII в.)[104], укорененная в народе приверженность к тем или иным языческим повериям и обычаям, вообще всяческий произвол религиозных представлений, с чем Русская Церковь так или иначе боролась и борется вплоть до сего дня. Но от чего бы ни исходила искаженность религи-

озного сознания в людях, она всегда сопряжена с деморализацией общества. На последнюю же указывают многие источники, освещающие жизнь Московского государства. Так, весьма красноречиво о плачевном нравственном состоянии какой-то части русского духовенства и народа (грубость отношений, корыстолюбие, распутство, пьянство, бесчинство, бесчестие) свидетельствуют некоторые проповеди и послания митрополита Даниила[105] (ум. в 1547 г.), определения «Стоглавого» собора[106], «Поучение христолюбивым князем и судиям и всем православным христианом» патриарха Иосифа[107] (ум. в 1652 г.) и т. д.

Во-вторых, вполне рельефно «школьная немощь» русских проявлялась при контактах с выходцами из Европы. Особенно широкомасштабными подобные контакты стали в годы Смуты. Однако и в последующее время, несмотря на ограничительные меры правительства, возможностей для общения московитов с греками, малорусами, белорусами, поляками, немцами, шведами и др. было немало, а с середины XVII в. становилось все больше. И это общение – официальное и несанкционированное, по разным поводам и в разном объеме – не могло не оставлять следов. Так или иначе влияние европейской культуры касалось российской жизни, иной раз негативно сказываясь на характере и поведении отдельных – даже сравнительно высокообразованных – личностей, как в случае с царем-самозванцем Лжедмитрием I (июнь 1605 – май 1606 г.)[108] или с князем, воеводой и писателем И.А. Хворостининым (ум. в 1625 г.)[109]. Естественно, обычно московиты, сталкиваясь с инокультурными явлениями, стремились дистанцироваться, отгородиться от них, держались за свое, исконное, святое. Но невооруженность правильным образованием, бывало, делала их наивными. Такова, например, история издания книги известного юго-западнорусского борца с Унией Лаврентия Зизания «Катехизис». Будучи переведена с литовского языка на русский и напечатана в Москве в январе 1627 г. по благословению патриарха Филарета, книга только после этого была подвергнута богословской экспертизе, благодаря чему выяснилось, что она содержит немало ошибочных суждений относительно привычного на Руси изложения православной веры; в результате почти весь ее тираж был уничтожен. Тем не менее «Катехизис» вместе с «прениями» о нем распространился в рукописном виде и впоследствии обрел популярность и авторитетность среди старообрядцев[110]. Данная история, думается, весьма наглядно демонстрирует малую готовность московских гра-

мотников оперативно и, главное, единогласно решать важнейшие вопросы церковной жизни.

В-третьих, весьма низкому общему уровню просвещенности московитов явно отвечал и уровень их умственной активности, заметно понизившийся сравнительно, например, с предшествовавшей Смутному времени эпохой. Безотносительно к известным положительным фактам духовного опыта (подвижничество в вере и благочестии[111], достижения художественной мысли[112]) речь идет именно о сфере рационального понимания и интерпретации конфессиональных ценностей. Особенно показательной в связи с этим является литературная деятельность, специально ориентированная на освоение христианского знания и решение разных вопросов богословия, каноники, аскетики, нравственности и т. д. Вопреки заметно усилившейся работе по переводу неизвестных прежде святоотеческих творений, а также современных антикатолических, антипротестантских и антиуниатских трактатов (достоянием русского читателя становятся теперь книги, изданные на греческом, латинском, литовском, немецком, украинском, белорусском языках)[113], несмотря на то что в Церкви все же были образованнейшие люди, – например насельники Троице-Сергиева монастыря преподобный Дионисий Радонежский, Авраамий Палицын, Арсений Глухой, Симон Азарьин, – собственное и самостоятельное русское богословское творчество в первой половине XVII в. почти угасает по сравнению с предшествующим столетием[114]. Наиболее значимым из всех известных церковных писателей этого времени следует признать, пожалуй, лишь И. В. Шевелева-Наседку (1570 – ок. 1660 гг.), написавшего несколько обширных трактатов специально богословского содержания и полемической направленности: «Изыскание от многих божественных книг свидетельство о прикладе огня» (1619 г.), «Изложение на люторы» (1623 г.), «Свиток укоризнен Кириллу Транквиллиону погрешительным его словесем, блужения его ересем» (1627 г.) и др. Однако в своих трудах Наседка, демонстрируя отличное знакомство с Библией, святоотеческой и церковной литературой, выступает преимущественно как компилятор, плохо владеющий логикой и систематикой и способный критиковать неприемлемые для себя взгляды сугубо формально, без анализа и синтеза, – только по одному их несоответствию авторитетным сведениям и суждениям. Тем не менее в глазах современников этот автор долго обладал славой ученого книж-

ника, «много читавшего божественных книг и крепко выразумевшего их смысл»[115].

В-четвертых, книгопечатание, устанавливая относительное единство богослужебных текстов, вместе с тем, как уже говорилось, распространяло многие имеющиеся в них различия[116], а таковые порой совсем не согласовывались с сутью православной доктрины (например, добавление слов «и огнем» к освятительной формуле из чина водоосвящения «Сам и ныне, Владыко, освяти воду сию Духом Твоим Святым»)[117]. Соответственно, все острее осознавалась необходимость исправлений ради достижения единообразия. Тексты, разумеется, правили. При святейшем патриархе Гермогене в московской типографии для этой цели учреждена была даже специальная должность. Но правили обычно по случайно отобранным старым рукописным книгам («харатейным», т. е. пергаменным), которые признавались авторитетными как эталонные образцы («добрые переводы») только в силу одной их древности и сообразно личному пониманию справщика. Иначе говоря, вся традиция воспроизведения и функционирования того или иного чинопоследования в ходе редакторской работы должным образом не учитывалась, даже в тех случаях, когда все же обращались для сравнения к нескольким источникам – древнерусским, юго-западнорусским, греческим манускриптам и печатным изданиям (литовского или итальянского пошиба)[118]. Московское книгопечатание, конечно же, развивалось, вместе с тем развивался и цех справщиков, как-то совершенствовалась редакторская работа[119], но в целом на протяжении всего XVII в. результаты правки были мало удовлетворительными и по-прежнему порождали лишь смущение умов и подозрения относительно испорченности книг. Ведь успех «справы» напрямую зависел от наличия определенных историко-археологических знаний, технической, критико-методологической вооруженности[120] и, конечно, совершенно не мог быть обеспечен просто уровнем начетничества, не говоря уж о начальной грамотности.

Наконец, волею Божией, в обозреваемый период (начиная еще с конца XIV в. и особенно после учреждения в 1589 г. патриаршества) Московское государство занимало исключительное положение в христианском мире. Православные народы на Ближнем Востоке и на Балканах вследствие арабских и затем турецких завоеваний давно уже утратили свою независимость и в состоянии угнетенности испытывали культурный кризис, в частности упадок церковной образованности[121]. Это

и побуждало иных представителей восточных Церквей, обращавшихся за помощью к России, заодно заводить речи об организации здесь школ, в которых вместе с русскими могли бы получать знания и их чада, дабы избавиться от унизительной неизбежности обучения в университетах католического Запада (в частности, в римском иезуитском Коллегиуме святителя Афанасия Великого[122]). Во всяком случае, известно, что с идеями относительно заведения подобных школ в Московском государстве выступали Александрийский патриарх Сильвестр (1585 г.), Константинопольский патриарх Иеремия II (1590 г.), Александрийский патриарх Мелетий Пигас (1593 г.), Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис (1633 г.), Палеопатрасский митрополит Феофан (1645 г.), Газзский митрополит Паисий Лигарид и патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский (1666–67 г.)[123]. Питали надежды открыть в России школы также католики (нунций папы Григория XIII Антонио Поссевино, побывавший в Москве в 1582 г.[124]) и протестанты (немец-лютеранин Матвей Шаум, воевавший против России на стороне шведов в начале 10-х гг. XVII в.[125]).

Итак, для русского общества после преодоления Смутного времени создание правильной, систематической школы являлось уже безотлагательной жизненной необходимостью, четко обозначенной множеством мотивов и импульсов. Неудачный опыт Бориса Годунова с обучением русской молодежи за границей, к счастью, не похоронил саму идею образования. По-видимому, он обернулся осознанным пониманием, что успешно реализовать ее можно только собственными силами, хотя и не без помощи со стороны. В таком направлении и развивается далее вся история формирования русской школьной образованности.

Несомненно, этому процессу весьма способствуют изменения, происшедшие в работе Московского Печатного двора по качественному (из ремесленной в мануфактурную) и количественному (число изданий) показателям как раз в 30–40-е гг. XVII в. – при патриархах Филарете, Иоасафе, Иосифе[126].

Нельзя оставить без внимания также заметное возрастание общественного интереса к предметам филологического свойства и, соответственно, обновление состава русской книжности. И в этом отношении нужно подчеркнуть совершенно особенное значение Троице-Сергиева монастыря. Еще в предшествующем столетии здесь последовательно работали над созданием специальной справочной и учебной книги, в современ-

ной научной традиции получившей название «Азбуковника». В течение второй половины XVI в. насельники обители – Нил Курлятев, некто Ермолай и др. – составили, как минимум, два варианта[127] этого своеобразного лексико-грамматического и литературно-исторического тезауруса, толкующего различные связанные с областью христианских понятий и реалий термины и имена, главным образом греческого происхождения (свыше 5 000 изъяснительных статей, расположенных по алфавиту). И любопытно, что при создании «Азбуковника» второго типа был использован словарь Лаврентия Зизания, напечатанный в Вильне в 1596 г.[128]

Сохранявшийся на протяжении всего XVII в. интерес русских переписчиков, переводчиков и издателей к «Азбуковникам», к какой бы редакции таковые ни относились[129], очевидно, сопряжен был с интересом к новому – аналитическому с элементами энциклопедичности – методу обучения грамоте, выгодно отличающемуся от старорусской формы обучения посредством многократного повторения и зубрежки, а также с идеей равноценности церковнославянского языка как языка священного по сравнению с греческим и латинским языками. Кроме того, связь популярных среди грамотников Московского государства «Азбуковников» с юго-западнорусской филологической наукой отражает весьма плодотворные, хотя и довольно трудно складывавшиеся, контакты московитов с явлениями православной культуры на территории соседнего государства – Речи Посполитой. Например, и знаменитая первая московская печатная азбука, изданная в 1634 г. В.Ф. Бурцовым-Протопоповым[130], создана была, как полагают, не без влияния со стороны львовского издания «Букваря», предпринятого еще в 1574 г. Иваном Федоровым[131]. Но действительно значимым индексом внимания великорусского общества к достижениям юго-западнорусской филологической науки следует считать предпринятое в Москве в 1648 г., при патриархе Иосифе, переиздание «Грамматики» европейски образованного ученого Мелетия Смотрицкого, напечатанной в Литве тридцатью годами прежде[132]. Любопытно, что это подлинно научное, систематизированное изложение норм орфографии, морфологии, синтаксиса церковнославянского языка в московском воспроизведении не содержало указания на автора[133] (несомненно, в силу его отпадения от Православия) и было откорректировано справщиками Михаилом Роговым и Иваном Наседкой с ориентацией на текст более ран-

него и менее сложного учебного руководства по церковнославянскому языку, составленного Лаврентием Зизанием и также изданного в Литве[134]; кроме того, в московском издании имелись – в виде дополнений – лингвистические статьи преподобного Максима Грека[135], что символически как бы подчеркивало родство и преемственность православных культур Востока, Юго-Запада и Севера.

Повышенный интерес русских книжников к филологии отражает также не известная прежде на Руси книга – «Риторика»[136]. Как теперь доказано, таковая появилась во второй половине 10-х гг. XVII в. (ее самый ранний из известных список создан был в 1620 г.). Церковнославянский текст книги возник как результат перевода латинского учебника Филиппа Меланхтона о красноречии (Франкфурт, 1577 г.), дополненного заимствованиями из также переведенного с латинского оригинала «Сказания о семи свободных мудростех» и, кроме того, собственными рассуждениями переводчика. Имя последнего осталось неизвестным, но есть основания полагать, что работал он либо где-то в Москве или Новгороде, либо в Троице-Сергиевом или Соловецком монастырях. Во всяком случае, плод его трудов был более распространен именно в северных регионах Московского государства. И весьма любопытно, что текст означенной «Риторики» нередко оказывается переписанным вместе с текстами рассмотренного выше «Азбуковника», а также «Диалектики» преподобного Иоанна Дамаскина[137] – главного источника знания на Руси по философии[138] (возможно, представленного именно его новым переводом на церковнославянский, который был осуществлен в конце XVI в. в Литве при участии князя Андрея Курбского[139]). Таким образом, нередко взору читателя со страниц одной книги одновременно открывался весьма широкий спектр светской гуманитарной информации.

Отмеченная тяга русских умов к филологии сопряжена была, между прочим, с удивительным всплеском интереса к поэзии[140]. Не говоря здесь о народной устно-поэтической традиции, об издавна бытовавшем говорном, скоморошьем стихе, должно отметить, что в русскую книжность элементы стиховой культуры – рифмованные двустишия, или «двоестрочное согласие», а затем и силлабика – начинают проникать во втором-третьем десятилетиях XVII в. как рефлекс украинско-белорусско-польского влияния. И очень быстро эта новая область художественного творчества становится популярной,

прежде всего, в городской среде. Появляются и свои поэты – князь И.А. Хворостинин, князь С.И. Шаховской. Однако уже в 30–40-е гг. XVII столетия тон в поэзии начинают задавать люди незнатного происхождения, представители так называемой «приказной школы», т. е. чиновники – дьяки и подьячие – разных приказов: Посольского (Михаил Злобин, Алексей Романчуков), Патриаршего дворцового (Петр Самсонов), к ним примыкают сотрудники Московского Печатного двора (священники Иван Наседка и Стефан Горчак, инок Савватий). В целом их стихотворство отличается серьезным – по-православному «душеполезным» – содержанием и в этом смысле консервативно, но в его недрах зреет и новое, а именно интерес к темам «острого разума», «остроумия», творческой свободы и самостоятельности поэта[141], предполагающим необходимую интеллектуальную подготовку и владение техникой версификационного мастерства.

Итак, к середине XVII столетия русское общество, столь долго вынашивавшее идею правильного образования, было, наконец, в лучшей своей части вполне готово разрешиться от бремени. Оставалась лишь малость – начать потуги. Ярким симптомом этого предродового состояния является мысль Иоанна Милютина, священника Христорождественской церкви в Сергиевом посаде (ум. в середине XVII в.), которую он четко сформулировал в Послесловии к своему уникальному историко-филологическому труду – Минеям-Четьим»: «Подобает убо всякому человеку, его же не весть, о том вопрошати, а еже что весть, тем не искушати и учити беззавистно и не хранити, но проповедати истинно. Книжная бо премудрость подобна солнечной светлости. Но солнечную светлость мрачный облак закрывает, а книжные премудрости ни вся тварь скрыти может. Писано бо есть: "Не уведяша, ниже разумеша, во тьме ходят!" Того ради учися! Учение свет, а неучение тьма!»[142]

§ III. Первые попытки создания в Московской Руси систематических школ в XVII в.

К периоду обновления русской книжности относятся и первые конкретные попытки создания школы. Причем в отличие от Юго-Западной Руси в Московии инициаторскую роль в таком деле играли именно Церковь и Государство, хотя имели место и частные побуждения. Об этом свидетельствуют различные – деловые и литературные – источники: записи в рас-

ходных книгах Патриаршего Казенного приказа, челобитные, статейные списки, послания, царские указы и грамоты, фрагменты полемических и ораторских сочинений.

Так, в 1632 г., по просьбе святейшего Филарета Никитича, в Москве остался архимандрит Иосиф, протосинкелл Александрийского патриарха, дабы переводить греческие сочинения против «латинския ереси» и «учити... малых ребят греческаго языка и грамоте». К сожалению, ввиду скорой смерти того и другого возникшая было греческая школа не достигла успеха. В 1640 г. царь Михаил Федорович получил предложение от митрополита Киевского Петра Могилы относительно открытия в Москве монастыря, в котором киевские ученые монахи могли бы учить «грамоте греческой и славянской детей бояр и простого чину». Но, видимо, известная склонность Киево-Могилянской коллегии к традициям западно-европейской схоластики помешала делу. Весной 1646 г., по согласованию с Михаилом, в Москву прислан был от Феофана Палеопатрасского архимандрит Великой Константинопольской церкви Венедикт – заниматься специально учительством и книжной справой. Правда, самовосхваление, попрошайничество и лживость последнего не пробудили к нему симпатий со стороны нового государя Алексея Михайловича и московских грамотников, и Венедикта через некоторое время отправили восвояси. Около 1649 г., сообразно желанию святейшего Иосифа, в Греции нашли «одного из самых значительных греческих богословов XVII века»[143] Мелетия Сирига. Однако вместо него в Москву как сопровождающий Иерусалимского патриарха Паисия приехал питомец Римского и Падуанского университетов иеромонах Арсений Грек[144], оставленный затем здесь ради «риторического учения». Сохранились грамоты Алексея Михайловича 1649 г. к Черниговскому епископу Зосиме и Киевскому митрополиту Сильвестру Коссову, в которых царь хлопотал о присылке в Россию ученых монахов, знатоков греческого языка и латыни. И действительно, после этого в Москву прибыли желаемые лица: Арсений Сатановский[145], Епифаний Славинецкий[146], затем Дамаскин Птицкий[147]. Впрочем, их заняли прежде всего переводческой и редакторской работой, необходимой для издания славянской Библии и богослужебных книг. К 1653 г. относится опять-таки не нашедшая у русского правительства отклика попытка митрополита Навпакта и Арты Гавриила Власия остаться в Москве в качестве учителя[148].

Все эти факты, по крайней мере, подтверждают благие намерения светской и духовной властей относительно создания в России настоящей школы, довольно долго, очевидно, сдерживаемые лишь страхом перед новизной. Тем не менее, вопреки распространенной среди московитов боязни повредиться в вере под влиянием ученых выходцев из стран, христианство которых, как полагали, утратило первозданную чистоту, решение школьного вопроса к середине XVII в. переходит в стадию практической реализации. Последнее, несомненно, произошло благодаря новым культурным веяниям, исходящим из окружения восшедшего в 1645 г. на царский престол юного Алексея Михайловича[149], чей природный ум и традиционная (через усвоение букваря, часослова, апостола, октоиха) образованность были обогащены удивительной начитанностью и заинтересованным общением с незаурядными личностями, а именно с приверженным к иноземным обычаям боярином Б.И. Морозовым[150], с благоразумным и учительным Благовещенским протопопом Стефаном Вонифатьевым[151], с любителем просвещения и наук окольничим Ф.М. Ртищевым[152], с грекофилом и энтузиастом церковных преобразований ради благочиния и ввиду идеи создания вселенской православной империи патриархом Никоном[153], с широко образованными «западниками» А.С. Матвеевым[154] и А.Л. Ординым-Нащекиным[155] (который, кстати, любил говаривать, что «доброму не стыдно навыкать и со стороны, у чужих, даже у своих врагов!»). Духовно-интеллектуальная и деятельная устремленность царя к новому выразилась в небывало масштабной внутренней и внешней политике Московского государства времени его почти 30-летнего правления: например, в совершенствовании законодательства, в осуществлении церковных реформ, в последовательной борьбе против Польши, Швеции, Крымского ханства за выходы к Балтийскому и Черному морям и объединение с братскими украинским и белорусским народами, в освоении Сибири и Дальнего Востока, в развитии торговых отношений, промышленности, даже кораблестроения и т. п. По существу, многими своими делами Алексей Михайлович предвосхитил, конечно же, значительно более успешное реформаторское правление своего сына Петра Великого, по-настоящему поднявшего Россию «на дыбы» и прорубившего «окно в Европу».

Начало русской систематической школы некоторые историки связывают с так называемым «Ртищевским братством». И

вот почему. В 1648 г. Федор Михайлович Ртищев основал за счет личных средств на берегу Москвы-реки у подножия Воробьевых гор, «в пленницах», Андреевский-Преображенский «училищный монастырь для распространения свободных мудростей». Вскоре здесь, по призыву царя, собрались 30 или около того ученых посланцев из некоторых малороссийских и, возможно, белорусских монастырей. Под руководством иеромонаха Епифания Славинецкого они приступили к работе над переводами «душеполезных книг» и сочинений юридического, исторического и естественнонаучного содержания; должны были также заниматься подготовкой нового издания славянской Библии посредством сверки Острожского текста 1581 г. с греческим библейским каноном. Духовно-интеллектуальная деятельность «Ртищевского братства», конечно же, привлекла внимание любопытных москвичей. Это и дало основания полагать, что в Андреевском монастыре была создана школа, в которой все желающие могли учиться «хитрости грамматической и философству книжному», искусству перевода Св. Писания и исправления богослужебных книг[156]. Однако все же факт существования такой школы как специального образовательного учреждения сомнителен, ибо нет однозначных свидетельств в его пользу, неизвестны и лица, прошедшие здесь подобный образовательный курс[157]. Тем не менее прибывшие в Москву из юго-западной Руси старцы практиковали, видимо, обучение частным образом. Например, сам «любомудрия рачитель Федор... яко в днех служение своего чина исполняя, в нощех же, презирая сладостный сон, со мужи мудрыми и божественного писания изящными в любезном ему беседовании иногда целыя ночи бодростне препровождая...»[158]. Кроме Ртищева, у насельников монастыря учились (греческому, латинскому, польскому языкам) и другие московиты: например, боярин Б. И. Морозов, вероятно, и малые дети. При этом некоторые, как «Перфилка Зеркальников да Иван Озеров», желая более глубоких познаний, отправлялись затем доучиваться в Киев[159], а некоторые, подобно дьяку и поэту Лукьяну Голосову, вынужденные подчиниться Ртищеву, учились у киевлян против собственной воли[160]. Иными словами, в «братстве» существовала не школа в собственном смысле этого слова, а, скорее, кружок ревнителей учености, в котором отдельные желающие у отдельных учителей, индивидуально, могли получить конкретные сведения по конкретному предмету знания. К подобным же выводам приводит и изучение информации, которую связывают обычно со

школами греческой, организованной в 1651 г. украинцем иеромонахом Епифанием Славинецким в Кремлевском Чудовом монастыре, и латинской, открытой в 1665 г. в Спасском монастыре, что за Иконным рядом, белорусским иеромонахом Симеоном Полоцким[161]. Эти школы также не были общеобразовательными и общедоступными, они функционировали непродолжительное время с целью исключительно профессиональной подготовки ограниченного числа специалистов, например, для работы при Московском Печатном дворе или в государевой канцелярии – Приказе тайных дел. Хотя известны ученики первого (знатоки греческого языка иноки Евфимий[162] и Дамаскин[163]) и второго (знаток латыни и польского языка Сильвестр Медведев[164]), обладавшие авторитетом людей просвещенных и немало потрудившиеся в этом качестве как переводчики, справщики книг, литераторы, богословы, их ученость была все же плодом в большей степени самообразования, нежели методического обучения по системе[165].

Видимо, более похоже на настоящую школу было училище Арсения Грека. О нем сообщает Адам Олеарий в своей книге о России: «В настоящее время они (московиты. – *В. К.*), – что довольно удивительно, – по заключению патриарха и великого князя, хотят заставить свою молодежь изучать греческий и латинский языки. Они уже устроили, рядом с дворцом патриарха, латинскую и греческую школу, находящуюся под наблюдением и управлением грека Арсения»[166]. Достоверность этого свидетельства, однако, некоторые ученые прошлого опровергали. Ведь сам Олеарий лично видеть помянутой школы не мог, ибо последний раз был в Москве в 1643 г., за 6 лет до появления здесь Арсения; и не случайно в первом издании его книги (1647 г.) цитированного известия нет, оно появляется только в ее третьем издании (1663 г.)[167]. Кроме того, по сообщению нельзя судить о конкретном времени, к которому относится подразумеваемый в нем факт. Арсений Грек явился в Москву при патриархе Иосифе, в начале 1649 г., но очень скоро был осужден за совершенный в молодости грех вероотступничества и отправлен в Соловецкий монастырь «на исправление в православной христианской вере»[168]. Назад в Москву он вернулся лишь около 1653 г. по вызову уже другого патриарха, Никона – прежде всего, для работы в качестве справщика и переводчика. Вот тогда, очевидно, он и открыл свое «училище детем». Согласно записям в Расходных книгах Патриаршего Казенного приказа 1653 и 1657 г. о разных закупках для нее, в

том числе и «тридцати» грамматик, эта школа была общественной и просуществовала не менее четырех лет[169]. К сожалению, неизвестны ни ее программа, ни количество вышедших из ее стен учеников, ни даже имена хотя бы некоторых их них.

Ко времени патриарха Никона относится появление еще одной общественной школы, причем, в отличие от училища Арсения Грека, провинциальной. Она возникла на Валдае, в основанном Никоном Иверском Богородицком Святоозерском монастыре. Ее организацию, вероятно, следует связывать с переездом сюда в 1655 г. из Белоруссии, по приглашению святейшего, насельников Кутеинской Богоявленской обители. Еще на родине, как известно, эти ученые монахи, противостоя натиску униатов, занимались книгопечатанием и школьным делом. На новом месте они также устроили типографию – вторую в Московском государстве после Государева печатного двора в Москве[170] – и школу. Сохранилась даже запись в Расходной книге Патриаршего казенного приказа о покупке шапок для иверских «школьных робят» – Андрюшки, Яшки, Митьки и Гришки[171]. Возможно, эта школа просуществовала до 1666 г., когда Иверский монастырь вследствие суда над патриархом Никоном был временно закрыт. Но опять-таки никакими конкретными данными о ее деятельности и результатах таковой наука не располагает.

Аналогичная завеса неизвестности скрывает, несмотря на сравнительное богатство имеющихся фактов, и историю последней школы эпохи царствования Алексея Михайловича. Речь идет о «гимнасионе», открытие которого одобрили, как теперь доказано, в конце 1667 г.[172], отзываясь на челобитье прихожан церкви св. Иоанна Богослова в Москве, патриархи Александрийский Паисий, Антиохийский Макарий и затем Московский Иоасаф II (1667–1672). Доказано также, что означенная церковь находилась не в Китай-городе[173], а в Бронной слободе[174]. Открыть приходскую школу просили жители слободы, в основном оружейники, люди весьма состоятельные (в 1665 г. их тщанием было закончено возведение каменного храмового здания). Слобожан, а среди них было немало переселенцев из Белоруссии, в этом начинании активно поддерживал упоминавшийся уже иеромонах Симеон Полоцкий – возможный составитель всех связанных с этим делом сохранившихся благословенных грамот и челобитных (ГИМ, Синод. собр. № 130)[175]. Любопытно также, что Симеон, будучи участником судебного процесса над патриархом Никоном, лично

хорошо знал прибывших ради этого в Москву (1666 г.) упомянутых восточных первоиерархов, был вхож во дворец самого царя как воспитатель его детей (прежде всего, Федора) и участник ряда его культурных инициатив, наконец, пользовался покровительством ближнего царского боярина Б.М. Хитрово, ведавшего Бронной слободой в качестве главы Оружейной палаты. Известные документы не позволяют определенно судить о программе Иоанно-Богословской школы. Нет ясности, чему конкретно здесь предполагалось обучать: грамматике «славенскаго языка», «греческаго и славенскаго», «славенскаго и латинскаго» или же всех трех «диалектов». Зато очевидно, что в самом храме не возбранялись греческие и киевские обиходные обычаи, в частности и относительно многоголосного – партесного – пения, и что прихожанам – видимо, соответственно их желаниям – рекомендовалось найти для служения в их храме образованного иерея, который был бы способен «богословствовати» и «духовною пищею алчющия души насыщати». И действительно, с 1669 г. здесь стал настоятельствовать бывший протопоп из малороссийского г. Глухова Иван Шматковский[176], к которому за ученость и красноречие лично благоволил Иоасаф II. Сохранились также сведения, что для задуманного училища на средства прихожан было построено специальное здание. Но о практической жизни этой школы говорить не приходится. Есть только основания полагать, что в ней готовили, в частности, певчих. Во всяком случае, одним из таких «спеваков» был уроженец г. Нежина Иван Федорович Волошенинов, прибывший в Москву в 1664 г. еще молодым человеком, а в 1673 г. именно из числа Иоанно-Богословских клирошан взятый на учительство в какую-то новую школу для «мещанских детей»[177].

Итак, попытки организации правильного школьного образования, предпринятые в Московском государстве при царе Алексее Михайловиче, как можно заметить, обнаруживают разные культурные мотивации и разнонаправленность целеустановок. Это разделение проистекало в то время, видимо, из расхождения церковных и государственных задач в деле обустройства России. Церковь осуществляла реформы, касающиеся благочиния и единого уставного порядка в богослужении с учетом вселенской практики, проводя с этой целью широкомасштабную издательскую работу на почве, прежде всего, книжной справы и новых переводов конфессиональной литературы, и потому остро нуждалась в образованных грамот-

никах. Государство развивало собственную управленческую структуру, внешнеполитические контакты, торговую и промышленную сферу деятельности, впитывало какие-то элементы привносимых из Европы научных, инженерных, медицинских, юридических, социологических знаний и достижений, и потому ему столь же необходимы были просвещенные, но уже по-светски просвещенные специалисты. Церковь ориентирована была на Восток. Государство тяготело к Западу. Для удовлетворения церковных потребностей нужны были, в первую очередь, знатоки греческого языка как общепринятого проводника православной культуры. Для удовлетворения государственных запросов требовались знатоки латыни как общепринятого языка международного общения и науки. Церковь по природе своей, в силу обращенности к святым истокам, консервативна, сущностно она призвана быть неизменной, хотя внешне вполне может меняться. Государство же как общественный институт склонно к динамике прогресса, традиция для него лишь площадка для неизбежного формально-содержательного развития. Эти две экзистенциальных тенденции столкнулись у нас на почве, в частности, школьного дела, нейтрализуя друг друга и долго тем самым мешая отказу от вековечно существовавшего порядка: сначала постигать элементарную грамоту по учительным Часослову и Псалтыри[178] с помощью частного учителя, далее путем чтения развиваться самостоятельно. В действительности нет никаких оснований полагать, что при всех указанных выше школьных инициативах реализуемый порядок обучения был в принципе, радикально иным. Разве что в отдельных случаях имела место какая-то форма общедоступности и коллективности, использовались пособия нового типа – буквари[179], азбуковники, реже грамматики, и обычная сумма знаний дополнялась усвоением греческого, латинского или других языков, той или иной профессиональной специализацией. Семь свободных искусств, или наук, по-прежнему оставались вне программы обучения. И все так же участие власти – духовной или светской – в образовательном процессе было минимальным.

Становление новой русской школы осложнялось еще и конфликтом культурных привязанностей и ориентиров, свойственных как русскому обществу в целом, так и тем отдельным его представителям – автохтонам или же иммигрантам, радевшим о внедрении просвещения в жизнь Московского государства. Поскольку причины и обстоятельства этого многогран-

ного конфликта хорошо описаны[180], нет нужды повторяться. Достаточно лишь кратко отметить главные точки болезненного пересечения интересов: это устойчивые привычки к сложившемуся церковному укладу и усилия устранить накопившиеся в нем недостатки (многогласие, хомовое пение, практика наймитства в богослужении); это разное понимание того, как надо осуществлять необходимые изменения в богослужебных книгах и обрядах (держась за собственную старину или же сверяясь с традициями православного Востока); это несогласие Церкви и Государства в решении вопроса о приоритете светской или же духовной власти; это столкновение мистицизма и реализма в трактовке учения о третьем Риме и конкретно о роли России, уготованной ей Промыслом Божиим относительно спасения мира; это несходство богословских воззрений – греко-святоотеческого или латино-схоластического толка – по некоторым обрядовым и вероучительным вопросам (о таинстве Евхаристии, о Символе веры, о жизни души по смерти плоти); это симпатии и антипатии к распространявшейся европейской – польской или немецкой – моде, касающейся одежды, манеры поведения, эстетических и литературных вкусов (проявившихся, например, в новых формах творчества – стихотворстве, авантюрной и сатирической прозе, драматургии, живописи, архитектуре).

Отмеченные выше разноречивые свидетельства о языковой направленности обучения в стенах Иоанно-Богословской школы прямо соотносятся с обсуждавшейся в московском обществе проблемой языка как приоритетной основы образования. Во всяком случае, известны два, к сожалению, анонимных трактата, специально посвященных теме соотносительных достоинств греческого и латинского языков ввиду их полезности для получения истинного знания о православной вере, а также о церковнославянской грамоте: «Довод вкратце, яко учения и язык еллиногреческий наипаче нужно потребный, нежели латинский язык и учения, и чем пользует славенскому народу»[181] и «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии, и теологии, и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писания или, не учася сим хитростем, в простоте Богу угождати и от чтения разум святых писаний познавати? И [о том], что лучше российским людем учитися греческаго языка, а не латинскаго»[182]. Оба сочинения возникли, несомненно, в стане грекофилов и как реакция на европеизацию русской жизни и распространение в русском об-

ществе некоторых прокатолических идей. Оба сочинения на историко-филологической основе доказывают, что фундаментом истинной образованности должны служить греческий и «славянский» языки, восточнохристианское духовное наследие как конгениальные рефлексы Священного Писания и Предания. Оба сочинения при этом категорически умаляют гносеологическую силу латыни и просветительные возможности латинской схоластики, хотя и признают их вспомогательное значение для пополнения образованности.

Всю сложную по единству и борьбе противоположностей палитру умовоззрений и устремлений, характерную для бытия московитов подразумеваемого периода, ярко демонстрирует история конкретных лиц, поступков, судеб. Так, изначально союзные во мнениях о состоянии Церкви члены кружка ревнителей благочестия затем резко расходятся: между противниками патриархом Никоном и Иваном-Григорием Нероновым балансируют «центристы» Стефан Вонифатьев и Ф. М. Ртищев. Начатая патриархом Никоном церковная реформа (1653 г.) заканчивается судом и над ним самим, и над его оппонентами, защитниками старого обряда (1666–1667 г.). Благочестивейший и тишайший царь Алексей Михайлович тем не менее последовательно ущемляет права Церкви, расширяя и укрепляя институт светской власти, вводит у себя во дворце польские новины и неукоснительно исполняет молитвенные правила, дистанцируется от своего «собинного друга» Никона и довольно долго терпит нападки его главного противника протопопа Аввакума. На протяжении 70–80 гг. XVII в. поочередно торжествуют и низвергаются в боярско-династической распре близкие к Алексею Михайловичу придворные кланы (вокруг Милославских и вокруг Нарышкиных). Мирное сосуществование на поприще духовно-интеллектуальной деятельности грекофила Епифания Славинецкого и латиниста Симеона Полоцкого оборачивается непримиримой борьбой их учеников – келаря Чудова монастыря Евфимия и иеромонаха Сильвестра Медведева. Знаток польского и латыни государь Федор Алексеевич[183], вопреки русским обычаям надевший европейский костюм, сбривший бороду и отпустивший волосы, стремившийся по-европейски реорганизовать армию и структуру государственного управления, при этом оставался искренним приверженцем молитвенных бдений, милостивцем для бедных, благотворителем для Церкви. Слуга царей и защитник православия патриарх Иоаким[184] вместе с тем является про-

тивником беспредельного чиновничьего вмешательства в церковную жизнь, гонителем всех, кто не признал церковных реформ, притеснителем сосланного на Белое озеро реформатора Никона, непримиримым врагом латинствующих и при этом, будучи сам человеком традиционно образованным, упраздняет старинный обряд шествия на осляти в Вербное воскресение и весьма заинтересованно способствует организации в Москве действительно настоящего, нетрадиционного для Руси образовательного учреждения.

В таком поразительно сложном переплетении разнонаправленных культурных тенденций, партийных амбиций и расчетов, личных убеждений и действий, наконец, и возникает первая на Руси настоящая, правильная школа[185].

Еще в январе 1666 г. в Константинополь было отправлено в связи с «делом» патриарха Никона московское посольство[186]. В его составе оказался инок Чудова монастыря Тимофей, видимо, знавший в каком-то объеме греческий язык. По завершении посольской миссии Тимофей остался на целых 14 лет в Греции, за что, видимо, потом и получил прозвище Грек. В течение этого периода он по преимуществу (за вычетом времени посещения им Афона и Палестины) жил в Константинополе, совершенствуясь в греческом и обретая другие знания, а также оказывая какие-то услуги русским государевым и торговым людям. Знакомство Тимофея с такими известными дидаскалами того времени, как Александр Маврокордато и Севаст Киминитис, позволяет видеть в них его наставников по учебе, возможно, в фронтистирии Манолакиса Касторианоса. Постепенно Тимофей сближается со знаменитым радетелем о православном просвещении и критиком католицизма Иерусалимским патриархом Досифеем (1669–1707), около пяти лет живет в качестве переводчика прямо в его резиденции – на Святогробском подворье, а последние почти три года по его рекомендации служит «толмачом» турецкому султану. Однако в октябре 1680 г. он, можно думать, получает от царя Феодора Алексеевича дозволение вернуться на родину и, действительно, к январю 1681 г. (но не 1679, как полагали некоторые историки) оказывается уже в Севске пред очи князя и воеводы В. В. Голицына, а затем – в Москве на приеме у самого государя с известием об оскудении в Греции под давлением «тиранския руки» «свободных греческих наук, к восточной благочестивой вере потребных». Под впечатлением от услышанного, а также, возможно, приняв во внимание представленные

грамоты патриарха Досифея, Феодор Алексеевич велит патриарху Иоакиму учинить в Москве «греческое училище» и назначить главою такового, несомненно, сумевшего блеснуть своей ученостью иеромонаха Тимофея[187].

На сей раз дело пошло именно по тому направлению, которое так долго влекло и самих московитов, и разных их заезжих советников. Тимофей был назначен в клир крестовой церкви (во имя св. апостола Филиппа) при патриаршем доме в Кремле, где и поселился, и одновременно ректором задуманной школы. Под последнюю выделили «старую правильную палату» Типографии и на средства Патриаршего казенного приказа закупили для нее мебель, оборудование, бумагу, книги. К апрелю 1681 г. все было готово. Первоначально для обучения набрали патриарших и архиерейских подьячих, около 30 человек. Но так как открытое училище являлось общественным и всесословным учреждением, число учащихся в нем (включая и «безродных», которым регулярно выделялись кормовые деньги) быстро росло[188]. Можно думать, что в 1686 г. оно достигло своего максимума – не менее 250 человек, при этом многие из них известны по именам[189].

Учащиеся первого набора осваивали именно греческий язык. Однако очень скоро задачи школы усложнились, и с 1682 г. в ней было открыто еще славянское отделение для тех, кто только начинал приобщаться к грамоте. До конца 1683 г. в каждом из двух отделений различались по степени подготовки три класса или «статьи», затем – вероятно, на основании эффективности процесса обучения – в них было оставлено лишь по два класса. Можно полагать, далее из числа учащихся выделилась также группа наиболее преуспевших, но о том, как в формальном и содержательном отношениях она была организована, судить пока нет возможности. Известно лишь, что некоторые из составивших эту группу слушателей выполняли в школе обязанности старост, или «надсматривалщиков», в младших классах[190]. Кроме того, понятно, что многие школьники, закончив славянское отделение, этим удовлетворялись и греческого не изучали.

Будучи ректором и учителем, иеромонах Тимофей весьма заботился об эффективной работе вверенной ему школы, в первую очередь рачительно пополняя школьную библиотеку необходимыми учебными пособиями и руководствами, о чем, прежде всего, свидетельствуют записи Расходных книг патриаршего Казенного приказа. Но библиотека формировалась не

только за счет покупок. Какая-то ее часть являлась личной собственностью ректора, какая-то принадлежала Приказу книг Печатного дела, некоторые книги попали в училище от патриарха, иные вполне могли быть дарованы царем и другими именитыми людьми. Известно, что к 1685 г. в библиотеке училища было уже 487 рукописных и печатных книг на церковнославянском, греческом, латинском, «белорусском» языках. Среди них можно выделить книги, традиционно употреблявшиеся в процессе обучения: Азбуки, Часословы, Псалтири, Апостолы, Евангелия, богослужебные сборники – например, Октоихи, Канонники, Триоди, толковые Литургии. Вместе с тем в собрании имелись книги, содержание каковых явным образом было связано с общегуманитарными целями обучения: Грамматики разных авторов, «Цифири», Словари («Лексиконы»), памятники древнегреческой философии (Аристотель, Платон, Пифагор и др.), литературы (Гомер, Аристофан, Эсхил, Софокл, Пиндар, Демосфен, Эзоп и др.), медицинской науки (Гален, Гиппократ), астрономии (Клавдий Птолемей), историографии (Геродот, Диодор Сицилийский), средневековые мироописательные и естественнонаучные сочинения (Хронографы, Космографии, Лечебники). Кроме того, значительный раздел библиотеки составили источники христианского знания: Библии и отдельные библейские книги с толкованиями, вероучительные, нравоучительные, канонические сочинения отцов Церкви (Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин), сборники изречений и житий святых[191].

Отмеченная многогранность указанного книжного собрания, во-первых, определяет диапазон информации, предназначавшейся для школьников: при ориентации на духовную традицию значительную роль в их обучении играла светская компонента; во-вторых, указывает, очевидно, на поэтапную форму освоения заданной суммы знаний: сначала изучали славянский и греческий (может быть, отчасти и латинский) языки на уровне чтения, письма и грамматики, а также церковный обиход, затем уже постигали Предание и Учение Церкви, вместе с тем знакомясь с довольно широким кругом внецерковных предметов; в-третьих, позволяет отказаться от прежнего представления, будто работа Типографской школы ограничивалась лишь объемом начального обучения[192]: как теперь доказано, она строилась по системе именно среднего образования, типичной для Греции XVI–XVII вв. Больше того, судя по тому, что иеромонах Тимофей зазывал в Москву ради профес-

сорства своего знаменитого учителя Севаста Киминитиса (сохранилось ответное послание последнего с отказом, написанное летом или осенью 1681 г.), училище на патриаршем Печатном дворе изначально задумывалась все же как высшее учебное заведение[193].

К детищу Тимофея Грека проявлялся живой интерес со стороны царя Феодора Алексеевича и патриарха Иоакима. Имеются сведения о царских и патриарших посещениях школы, их милостях и жалованиях учащимся и учащим. Согласно благочестивой традиции, и школьники во главе со своим начальником обычно на Рождество и в Пасхальные дни посещали святейшего. Эти встречи имели характер своеобразного отчета о проделанной работе: ученики Тимофея демонстрировали свои познания, произносили на греческом и по-славянски поздравительные и похвальные речи – орации, а патриарх Иоаким в свою очередь жаловал ректору и «иже с ним» разные суммы денег[194].

Надо сказать, предполагаемая Тимофеем программа обучения вряд ли могла быть реализована только его собственными усилиями. Поэтому уже с 1 мая 1681 г. в училище наряду с Тимофеем начинает преподавать, согласно многочисленным документальным подтверждениям, «московский житель гречанин Мануил Григорьев» Миндилинский[195]. Правда, в силу своего плохого владения русским языком он преподавал только «греческие науки», т. е. греческую грамматику, чтение и письмо. В стенах школы, исключая период с мая 1683 по декабрь 1684 г., Мануил Миндилинский остается вплоть до ее закрытия[196]. О том, почему он прекратил свое служение, а затем вновь к нему вернулся, сведений, к сожалению, нет. Но место Мануила в октябре 1683 г. занял другой грек – некто иеромонах Иоаким, который, однако, помогал Тимофею лишь до сентября 1685 г., будучи тогда уволен под расчет в связи с сокращением объема преподавания греческого языка. Через шесть месяцев он покинул и Москву, отбыв на Афон[197].

По всей видимости, лето 1685 г. вообще стало критическим для Типографского училища, ибо тогда, а именно 1 июля, в Москве, при Богоявленском монастыре (в Китай-городе, за «Ветошным рядом»), появилась новая греко-латинская школа. Ее открыли прибывшие сюда незадолго до этого – опять-таки по рекомендации Иерусалимского патриарха Досифея – образованнейшие греки и родные братья иеромонахи Иоанникий (1633–1717) и Софроний (1652–1730) Лихуды, спустя не-

которое время аттестованные москвичами как «учители высоких наук»[198]. Под их руководство и перешли тогда (летом и осенью) одиннадцать наиболее подготовленных учеников иеромонаха Тимофея[199]. Вероятно, после этого вплоть до самого закрытия Типографской школы в конце 1687 г. его питомцы не раз еще пополняли ряды Лихудовых подопечных. Во всяком случае, из 40 поименно отмеченных в Расходных книгах человек 18 (т. е. 45 %) продолжили свое обучение в Богоявленской школе и, видимо, затем в Славяно-греко-латинской академии.

Таким образом, училище Тимофея Грека не просто первое в России государственное образовательное учреждение. Мало также сказать, что за годы своего существования оно выпустило значительное число довольно грамотных людей. Прежде всего, оно создало плодотворную почву для дальнейшего развития русского образования, подготовив отдельные русские умы к одолению высшего курса познания в университетском объеме.

Между прочим, имена некоторых из выпестованных братьями Лихудами учеников Тимофея вовсе не пустой звук для русской культуры. Например, Николай Головин (ум. в 1716 г.) был впоследствии преподавателем Славяно-греко-латинской академии и справщиком Московского Печатного двора, известен как поэт, переводчик с греческого, составитель проповедей, библиофил[200]; Федор Полетаев (ум. после 1715 г.) был преподавателем Новгородской школы митрополита Иова и автором ряда переводов с греческого[201]; Федот Агеев (ум. в конце XVII в.) исполнял в Московской типографии обязанности книгописца и переводчика с греческого, переводил, кроме того, с итальянского языка[202]. Наибольших же успехов достиг бывший «безродный» ученик Типографской школы Федор Поликарпов (ок. 1670 – 1731 гг.). Он преподавал в Славяно-греко-латинской академии, служил многие годы справщиком и начальником Московской типографии, был редактором московского варианта первой российской газеты «Ведомости»; работал как переводчик с греческого и латыни над довольно большим числом светских и духовных сочинений; составлял похвальные вирши, упражнялся в богослужебной гимнографии; переписывался по разным вопросам с лучшими людьми своего времени – со знаменитым поборником просвещения, проповедником, духовным писателем и подвижником святителем Димитрием, митрополитом Ростовским († 1709), с энтузиастом школьной си-

стемы образования народа, Новгородским митрополитом Иовом (ум. 1716), с соратником царя Петра I, начальником Монастырского приказа, сенатором, графом И.А. Мусиным-Пушкиным (ум. после 1728 г.). Но особое значение имеют филологические и литературно-повествовательные труды Федора Поликарпова: «Алфавитарь, рекше букварь, словенскими, греческими, римскими письмены учитися хотящим...» (1701), «Лексикон треязычный, сиречь речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище» (1705), перевод «Риторики» Стефана Яворского (1705), Добавление к переизданной им «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (1721), наконец, «Историческое известие о Московской академии» (1726)[203] – интереснейший источник мемуарных сведений о начале систематической школы в Москве благодаря деятельности иеромонаха Тимофея Грека и затем братьев Лихудов[204].

К сожалению, о судьбах большинства учеников иеромонаха Тимофея Грека совсем ничего не известно. Однако вряд ли нужно сомневаться, что осенившая их благодать просвещения иссякла бесследно. Так или иначе они своими познаниями служили государству и церкви и влияли на свое ближайшее окружение. Посеянное Тимофеем и его предшественниками уже не могло пропасть. Наступавшие новое время и новая жизнь, прорвавшиеся сквозь косность вековых обычаев новые люди объективно благоспособствовали развитию русского образования вопреки очень часто весьма неблагоприятным и даже враждебным конкретным обстоятельствам. Но это уже иная глава истории отечественной школы с совсем другой драматургией действия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В настоящем обзоре намеренно оставлены без внимания различные факты (в виде памятников пиктографического, рунического, протоглаголического или протокириллического письма), которые свидетельствуют, по мнению ряда ученых, о существовании дохристианской славянской (и в частности, русской) грамотности. Во-первых, факты эти крайне ограничены по числу; во-вторых, они допускают множество нередко отрицающих друг друга толкований; в-третьих, даже если обнаруживаемая ими грамотность была действительно характерна для языческой культуры именно славян, все же нет никаких оснований предметно – без натяжек и фантазий – говорить о связи таковой с последующим культурным развитием славянского мира в ходе формирования государств и распространения христианства. Все-таки история славянской и собственно русской образованности – это часть именно христианской культуры.

[2] *Мавродин В.В.* Происхождение русского народа. Л., 1978; *Пьянков А.П.* Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980; *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980; *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982; *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985; *Рыбаков Б.А.* Мир истории: начальные века русской истории. М., 1987; *Оргиш В.П.* Древняя Русь: образование Киевского государства и введение христианства. Минск, 1988; *Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность / Науч.-попул. изд. СПб.: Алетейя, 1998.

[3] ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1926. Стб. 20–22.

[4] *Святитель Фотий, патриарх Константинопольский.* Окружное послание к Восточным Архиерейским Престолам, а именно – к Александрийскому и прочая... / Пер. П. Кузенкова // Альфа и Омега. М., 1999. № 3 (21). С. 85–102.

[5] *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 11–14.

[6] *Цукерман К.* Два этапа формирования древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4. С. 62–63; *Бибиков М.В.* Когда была крещена Русь // Ученые записки. Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. М., 2000. Вып. 5. С. 24–29; *Назаренко А.В.* Русская Церковь в X – 1-й трети XV в. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Православно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2000. С. 38.

[7] *Тахиаос А.-Э. Н.* Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян / Пер. с новогреч. яз. иером. Дионисия (Шленова), иером. Леонтия (Козлова), игум. Тихона (Зайцева), С. Кима. Сергиев Посад, 2005; *Верещагин Е.М.* Тахиаос А.-Э. Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян / Пер. с новогреч. яз. ТСЛ, 2005: Рецензия // Богословский вестник, издаваемый Московской Духовной Академией и Семинарией. № 5–6. 2005–2006. Сергиев Посад, 2006. С. 650–669.

[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 46–54.

[9] Там же. Стб. 60–62.

[10] *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 220–310.

[11] Уместно здесь отметить и гипотезу – правда, не прижившуюся в отечественной историографии – о первоначальном статусе Русской Церкви как одной из епархий Болгарского патриархата, или Охридской архиепископии (*Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. XIII).

[12] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 118–119 (здесь и далее древнерусский текст воспроизводится упрощенно, в соответствии с современной орфографией).

[13] *Седов В.В.* Распространение христианства в Древней Руси (по археологическим материалам) // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси: Сб. тезисов. М.: Наука, 1987. С. 42.

[14] При этом, однако, неясен подразумеваемый здесь пространственный смысл понятия «земля Русская».

[15] Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 318, 320.

[16] *Мерзебургский Т.* Хроника: В 8 кн. / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М.: «SPSL»-«Русская панорама», 2005. Кн. 8, фрагмент 32. – http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Thietmar/frametext8.htm.

[17] *Сапунов Б. В.* Книга в России в XI–XIII вв. / Под ред. С. П. Луппова. Л.: Наука, 1978. С. 64.

[18] См., напр.: *Стефанович П. С.* Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // Вестник церковной истории. 2007. № 1 (5). С. 117–133.

[19] *Лавровский Н. А.* О древнерусских училищах. Харьков, 1854.

[20] *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Книга вторая: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240). М., 1995. С. 62–63.

[21] *Голубинский Е.* История Русской Церкви. Т. I: Период первый, Киевский или Домонгольский. Первая половина тома. М., 1901. С. 703–705, 711, 719–722, 724–726.

[22] Его краткий, но хорошо библиографически оснащенный обзор: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.): 2-е изд., исправл. и дополн. для рус. пер. / Пер. А. В. Назаренко; Под ред. К. К. Акентьева. СПб.: Византинороссика, 1996. С. 128–132.

[23] *Хмыров М. Д.* Училища и образованность в допетровской Руси // Народная Школа. 1869. № 4–10; *Лебедев Н. А.* Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 год. СПб., 1874; *Миропольский С. И.* Очерк истории церковноприходской школы на Руси. 3 выпуска. СПб., 1894–1895; *Рязановский В. А.* Обзор русской культуры: В 2 т. Нью-Йорк, 1947–1948.

[24] *Золин П. М.* Истоки высшей школы в России // Междунар. науч. педагогич. интернет-журнал. 2003 (http://www.oim.ru/reader.asp?whichpage=1&mytip=1&word=&pagesize=15&Nomer=345).

[25] *Леонтьев А. А.* История образования в России от древней Руси до конца XX века // Русский язык. 2001. № 33. (http://rus.1september.ru/article.php?ID=200103304).

[26] *Каптерев П. Ф.* История русской педагогии. СПб.: Алетейя, 2004. С. 43–45 (1-е изд. 1915).

[27] На самом деле в Византии X–XI вв. имелась весьма развитая образовательная система – в формах частных начальных и средних школ и венчающего их государственного университета (*Самодурова З. Г.* Школы и образование // Культура Византии: вторая половина VII–XII в. М.: Наука, 1989. С. 366–400).

[28] *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М.: Наука, 1991. Т. I. С. 255–256.

[29] ПСРЛ. Т. 5: Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851. Стб. 136.

[30] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 152.

[31] *Рождественская Т. В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV веков. СПб., 1992; *Медынцева А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000; *Гнутова С. В.* От редактора [Предисловие к первой

книге «Ставрографического сборника»] // Ставрографический сборник. Кн. I: Сб. ст. М.: Древлехранилище, 2001. С. 3–14.

[32] *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964; *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской IX–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1; *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М., 1978.

[33] *Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1953; *Авдусин Д.А.* Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 гг. // Советская археология. 1969. № 3. С. 186–193; *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... М., 1975; *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1986; *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.

[34] *Зализняк А.А., Янин В.Л.* Новгородская псалтырь начала XI века – древнейшая книга Руси // Вестник Российской Академии наук. 2001. Т. 71. № 3. С. 202–209; *Они же.* Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3–25; *Зализняк А.А.* Тетралогия «От язычества к Христу» из Новгородского кодекса XI века // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 35–56.

[35] Об этом см.: *Сатклифф Б.* Женская грамотность в Древней Руси: гипотезы и факты // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2006. № 4 (26), декабрь. С. 42–49.

[36] *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI–XIII вв. С. 60.

[37] *Кусков В.В.* Формирование системы образования на Руси (X – первая пол. XIII вв.) // *Он же.* Эстетика идеальной жизни. Избр. труды. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. С. 130–132.

[38] Послание Климента Смолятича // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 134.

[39] *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. С. 260; *Koukoulès Ph.* Vie et civilisation Byzantines. Vol. I. Athènes, 1948. P. 108 sq.; *Кусков В.В.* Указ. соч. С. 133–134.

[40] *Зубов В.П.* Примечание к «Наставлению, как человеку познать счисление лет» Кирика Новгородца // Историко-математические иссл. М.: Гостехиздат, 1953. Вып. 4. С. 173–212 (Фотографическое воспроизведение текста «Учение о числах»).

[41] *Симонов Р.А.* О композиционной структуре «Учения» (1136 г.) // Историко-математические исслед. М., 1973. Вып. XVIII. С. 264–277.

[42] Характеристика древнерусской переводной литературы Киевского периода, например, в кн.: *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы. 4-е изд. СПб., 2002. С. 163–233.

[43] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М.: Наука, 1984. С. 36–40.

[44] *Творогов О.В.* Изборник 1073 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 194–196.

[45] Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984.

[46] *Виноградов В.П.* Жития древнерусских святых как источник по истории древнерусской школы и просвещения: (Из заметок и наблюде-

ний в области древнерусской агиологической литературы) // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1915. Т. 1. № 3. С. 562–590 (2-я пагин.).

[47] *Виноградов В.П.* Указ. соч. // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1915. Т. 2. № 5. С. 110–123 (2-я пагин.).

[48] См., напр.: *Громов М.Н., Ужанков А.Н.* Культура Древней Руси // История культур славянских народов: В 3 т. Т. I: Древность и средневековье / Отв. ред. Г.П. Мельников. М.: ГАСК, 2003. С. 211–229.

[49] *Прозоровский Д.И.* Новые разыскания о новгородских посадниках (отт. из «Вестника Археологического института», 1892). СПб., 1892. С. 3; Остромир // *Половцов А.А.* Русский биографический словарь: В 25 т. М., 1896–1918. Т. Обезьянинов – Очкин. С. 468–469.

[50] ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. 2-е изд. Л., 1927. Стб. 443.

[51] *Бокачев Н.* Описи русских библиотек и библиографические издания. СПб., 1890; *Зарубин Н.Н.* Очерки по истории библиотечного дела в Древней Руси. I. Применение форматного принципа к расстановке книг в древнерусских библиотеках и его возникновение // Сб. Российской публичной биб-ки. Т. 2. Мат-лы и исслед. Вып. I. XV–XVII вв. Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1924. С. 190–229; *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI–XIII вв. С. 110–162.

[52] *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI–XIII вв. С. 82.

[53] Указатель названий рукописей, произведений и авторов // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. С. 377–383.

[54] *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. Вып. III: Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897. С. 58 (№ 1568).

[55] Святитель Стефан Пермский. Серия «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях». Ст., текст, пер. с др.-рус., коммент. СПб.: Глаголъ, 1995. С. 60, 62, 64.

[56] *Громов М.Н.* Памятники древнерусской литературы как источник изучения раннего этапа отечественной педагогики // Просвещение и педагогическая мысль древней Руси (Малоисследованные проблемы и источники): Сб. науч. трудов. М.: Изд. АПН СССР, 1983. С. 35–45.

[57] *Каринский Н.* Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам. Ч. 1: Древнейшие памятники. СПб., 1904. С. 104.

[58] Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 356; Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 32.

[59] *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М.: МГУ, 1975. С. 45–57.

[60] То есть алфавит с иллюстрирующими примерами – причем на самые разные темы – для запоминания, например: «А. Аз преже о Господе Бозе нача ти вещати. / Б. Бога Отца чту, но Бога Сына славлю, Бога Духа проповедаю. / В. Види(м) те лици разделяем(ы), но божеством не разделим(ы). / Г. Глаголати навыкаю, мысли от сердца простирая...». См. тексты девяти подобных азбук: *Кобяк Н.А.* Азбуки толковые в Сборнике XVII века собрания МГУ № 1356 // Из Фонда редких книг и руко-

писей Науч. биб-ки Московского ун-та. Изд. Московского ун-та, 1987. С. 142–156.

[61] То есть такие слова, которые традиционно употреблялись под титлами.

[62] Акты исторические. СПб., 1841. Т. I. № 104. С. 146.

[63] *Каптерев П.Ф.* История русской педагогии. С. 50.

[64] *Каптерев П.Ф.* История русской педагогии. С. 55–59.

[65] *Творогов О.В.* Палея Толковая // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 1. С. 285–288; *Кожинов В.* Книга бытия небеси и земли // Палея Толковая. М.: Согласие, 2002. С. 5–7; *Мильков В., Полянский С.* Палея Толковая: Редакция, состав, религиозно-философское и энциклопедическое значение памятника // Палея Толковая. М.: Согласие, 2002. С. 604–631.

[66] Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. // Труд учеников Н.С. Тихонравова. М., Вып. 1–2. 1892–1896.

[67] *Поляков Ф.Б.* Некоторые аспекты изучения Чудовского Нового Завета // Russian Linguistics. 1990. Vol. XIV. S. 269–280; *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 191–195; *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 281–283.

[68] Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия митрополита Московского и всея Руси (фототипическое издание Леонтия митрополита Московского). М., 1892.

[69] Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / Изд. Археограф. ком.; Под ред. В.Г. Дружинина. СПб., 1897.

[70] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и Похвальное ему слово, написанное учеником его Епифанием в XV в. / Сообщил архим. Леонид. Печатаются по Троицким спискам XVI в. с разночтениями из Синодального списка Макариевских Четиих-Миней. СПб., 1885.

[71] Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 208–229.

[72] *Грихин В.А.* Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV–XV вв. М., 1974; *Кириллин В.М.* Епифаний Премудрый: умозрение в числах о Сергии Радонежском // *Он же.* Символика чисел в литературе древней Руси (XI–XVI века). СПб.: Алетейя, 2000. С. 174–222.

[73] *Гаврюшин Н.К.* Космологический трактат XV века как памятник древнерусского естествознания // Памятники науки и техники. 1981. М.: Наука, 1981. С. 183–197.

[74] *Демин А.С.* Литературные черты древнерусских письмовников // *Он же.* О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII в. от Илариона до Ломоносова. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 178–219.

[75] *Каган М.Д., Понырко Н.В., Рождественская М.В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 3–300.

[76] *Евсеев И.Е.* Геннадиевская Библия 1499 г. // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. Т. II (и отд. изд.). М., 1914; *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 195–201; *Цур-*

кин Р.К. Славянский перевод Библии: Происхождение, история текста и важнейшие издания. СПб., 2001. С. 188–211.

[77] Послание на Угру Вассиана Рыло // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 2000. С. 386–398; Послание Филофея «О злых днех и часех» // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9: Конец XV – первая пол. XVI века. СПб.: Наука, 2000. С. 290–300.

[78] Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 года // Полн. собр. рус. летописей. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1.

[79] Патриаршая, или Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1862–1910. Т. 9–14.

[80] Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., Т. 21. Ч. 1–2. 1908–1913.

[81] *Морозов В.В.* Лицевой летописный свод в контексте отечественного летописания XVI века. М.: Индрик, 2005.

[82] *Гаврюшин Н.К.* Первая русская энциклопедия // Памятники науки и техники. 1982–1983. М., 1984. С. 119–130; *Макарий (Веретенников), игум.* Митрополит московский Макарий и церковно-литературная деятельность его времени // Тысячелетие крещения Руси. Междунар. церковная науч. конф. «Богословие и духовность». Москва 11–18 мая 1987 г. М.: Изд. Московской Патриархии, 1989. Т. 2. С. 275–289.

[83] *Шляпкин И.* Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 567–568.

[84] *Лопарев Х.* Новый памятник русской литературы: Произведение монаха Иосифа 1559 г. // Библиограф. 1888. № 2. С. 62–74.

[85] *Киселева М.С.* Учение книжное: Текст и контекст древнерусской книжности / РАН. Ин-т человека. М.: Индрик, 2000. С. 231–234.

[86] *Иосиф, игумен Волоцкий.* Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Казань, 1903.

[87] *Попов А.Н.* Библиогр. мат-лы. XIII. Книга Еразма о Святой Троице // Чтения ОИДР. Кн. IV. М., 1880. С. I–XIV, 1–124.

[88] Истины показание к вопросившим о новом учении: Сочинение инока Зиновия Отенского. Казань, 1863.

[89] *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиогр. мат-лы // Сб. ОРЯС. Т. 74. СПб., 1903. С. 15–23, 38–51, 283–382, 396–428.

[90] *Иванов А.И.* Максим Грек как ученый на фоне современной ему русской образованности // Богословские труды. Сб. 16 М.: Изд. Моск. Патриархии, 1976. С. 142–187; *Громов М.Н., Козлов Н.С.* Русская философская мысль X–XVII веков: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 121–207.

[91] *Змеев В.А.* Зарождение юридического образования в России / В мире права. 2000. № 2. (http://law.edu.ru/magazine/document.asp?magID=3&magNum=2&magYear=2000&articleID=1146497).

[92] Стоглав // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 290–291 (гл. 25–26).

[93] *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: Опыт изуч. обществ. строя и сослов. отношений в Смут. время. М.: Соцэгиз, 1937. С. 35.

[94] *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. С. 353–354.

[95] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Кн. 4. Т. 8: От начала царствования Бориса Годунова (1598) до избрания царя Михаила Федоровича (1613). М.: Изд-во соц.-экономич. лит-ры, 1960 (гл. 1); *Скрынников Р.Г.* Лихолетье: Москва в XVI–XVII вв. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 204–207.

[96] *Кузнецов Б.* За наукой в чужедальние края: Первые русские студенты за границей // Родина. № 10. 2000. (http://www.krotov.info/history/17/1603kuzn.html).

[97] *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отдел второй: Состояние Русской Церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448–1589). М., 1996. С. 98–107.

[98] *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 6: Период самостоятельности Русской Церкви (1589–1881). Патриаршество в России (1589–1720). Отдел второй: Патриаршество Московское и всея Великия России и Западнорусская митрополия (1589–1654). М., 1996. С. 115–127.

[99] *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. Сергиев Посад, 1909. С. 106–518.

[100] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в., отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги. Казань, 1898; *Медынский Е.Н.* Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины Россией, М., 1954.

[101] *Каптерев П.Ф.* История русской педагогии. С. 107–114.

[102] Там же. С. 114–115.

[103] *Казакова Н. А, Лурье Я.С.* Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV–XV вв. М.; Л.: АН СССР, 1955; *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV– первой половине XVI вв. М., 1960; *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб.: Алетейя, 2002.

[104] *Барбарин В.Ф., свящ.* Хлыстовщина: Разбор 12-ти заповедей основателя хлыстовщины Данилы Филипповича. М., 1890.

[105] *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 493–644.

[106] Стоглав // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 2. С. 295–298 (гл. 32–34).

[107] Сборник поучений патриарха Иосифа и пр. М.: Печатный Двор, [ок. 1642]. Л. 16–40 об.

[108] *Солодкин Я.Г.* Григорий (в миру Юрий Отрепьев) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А–З. СПб., 1992. С. 235–240.

[109] *Морозова Л.Е.* Русский вольнодумец XVII в. Иван Хворостинин // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 145–150; *Буланин Д.М., Семенова Е.П.* Хворостинин Иван Андреевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 190–198.

[110] *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. II. М.: Наука, 1991. С. 102–106; *Романова А.А.* Лаврентий Зизаний Тустановский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. С. 467–470.

[111] *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. С. 422–424; *Концевич И.М.* Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. Изд. отд. Моск. Патриархата, 1993. С. 192–199.

[112] *Демин А.С.* Литература XVII века // История русской литературы XI–XX веков. Краткий очерк. М.: Наука, 1983. С. 54–73; *Черный В.Д.* Искусство России на пороге Нового времени // *Он же.* Искусство средневековой Руси. М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1997. С. 316–396.

[113] *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. С. 378–379.

[114] *Голубцов А.П.* К характеристике состояния просвещения на Москве в первой половине XVII столетия: [Речь перед защитой магистерской диссертации: Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891] // Богословский вестник. 1892. Т. 1. № 1. С. 98–99, 104–105.

[115] *Шилов А.* Наседка Иван Васильевич // Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. Т. 11: Наакс – Николай Николаевич Старший. СПб., 1914. С. 105–110.

[116] О том, как и почему в литургических текстах появлялись различия еще в пору их рукописного бытования, см.: *Дмитриевский А.А.* Кто виноват? К вопросу о причинах разнообразия богослужебных чинов и последований в наших старинных церковно-богослужебных книгах // Руководство для сельских пастырей. Киев, 1885. № 49. С. 409–422; № 50. С. 441–450.

[117] *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. II. С. 90.

[118] *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. II. С. 87, 101; *Мансветов И. [Д.]* Как у нас правились Типик и Минеи: Очерк по истории книжной справы в XVII столетии. М., 1884; *Смолич И.К.* Русское монашество: 988–1917. Жизнь и учение старцев / Приложение в «Истории Русской Церкви». М., 1997. С. 237–240.

[119] *Мансветов И. [Д.]* Как у нас правились церковные книги: Материал для истории книжной справы в XVII столетии (По бумагам архива Типографской библиотеки в Москве). М., 1883; *Накорякова К.М.* Очерки по истории редактирования в России XVI–XIX вв. Опыт и проблемы. М.: Изд-во «ВК», 2004.

[120] Например, на Западе (правда, относительно только латинской агиографии) научная методология издания текстов разработана была уже к 1603 г. ученым монахом-иезуитом Герибертом Россвейде и затем реализована в многочисленных изданиях института Болландистов. (The Bollandists // Catholic Encyclopedia / http://www.newadvent.org/cathen/02630a.htm).

[121] *Экономцев И.Н.* Предыстория создания Московской Академии и ее первоначальный период, связанный с деятельностью братьев Лихудов // Богословские труды. Юбилейный сб.: Московская Духовная Академия. 300 лет (1685–1985). М.: Изд. Московской Патриархии, 1986. С. 54–55.

[122] *Экономцев И.Н.* Предыстория создания Московской Академии. С. 45.

[123] *Смецовский М.* Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899. С. 4–14; *Экономцев И.Н.* Предыстория создания Московской Академии. С. 55.

[124] *Цветаев Д.В.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 291; *Поссевино А.* Московия. Кн. I: О делах московских, относящихся к религии // Исторические сочинения о России XVI в. М.: МГУ, 1983. С. 37–39.

[125] История достопамятных происшествий, случившихся со Лже-Дмитрием и о взятии шведами Великого Новгорода. Соч. Матвея Шаума. 1614 г. М., 1847. С. 26.

[126] *Баренбаум И.Е.* История книги. Учебник. 2-е изд., перераб. М.: Книга, 1984. (http://www.hi-edu.ru/x-books/xbook032/01/index.html?part-005.htm#i222); *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 6. С. 296, 321–323, 338–344.

[127] *Ковтун Л.С.* Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л.: Наука, 1989. С. 121–124.

[128] [*Лаврентий Зизаний*]. Лексис, сиречь речения, вкратце собранны. И из словенскаго языка на простый русский диялект истолкованы. Вильна, 1596.

[129] *Мордовцев Д.* О русских школьных книгах XVII века. М., 1862. С. 31–79.

[130] [*Бурцов В.Ф.*]. Букварь (Азбука). М., 1634 (три издания); М., 1637.

[131] *Сазонова Л.И., Гусева А.А.* Бурцов Василий Федоров // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 150.

[132] Грамматики славенкия правилное Синтагма. Евье: типография братства Св. Духа, 1619 // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост. Е.А. Кузьминова. Изд. Моск. ун-та, 2000. С. 128–470.

[133] [*Мелетий Смотрицкий*]. Грамматика. М., 1648.

[134] [*Лаврентий Зизаний*]. Грамматика словенска свершеннаго искусства осмии частий слова и иных нуждных. Вильна, 1596.

[135] *Кузьминова Е.А., Ремнева М.Л.* Предисловие // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. С. 17; *Камчатнов А.М.* История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М.: Изд. центр «Академия», 2005. С. 187–192.

[136] Риторика 1620 г. // *Аннушкин В.И.* Первая русская «Риторика» XVII века. Текст. Перевод. Исследование. М.: Добросвет: ЧеРо, 1999. С. 15–94.

[137] *Аннушкин В.И.* Первая русская «Риторика» XVII века. М., 1999. С. 207–353.

[138] *Гаврюшин Н.К.* Диалектика на Руси (XI–XVII вв.) // Памятники науки и техники. 1987–1988. М.: Наука, 1989. С. 202–236.

[139] *Беляева Н.П.* Материалы к указателю переводных трудов А.М. Курбского // Древнерусская литература. Источниковедение. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1984. С. 125–129.

[140] *Голубцов А.П.* К характеристике состояния просвещения на Москве в первой половине XVII столетия. С. 103–104.

141 *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 34–102, 242–269.

142 *Понырко Н. В.* Иоанн Иванов Милютин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. СПб., 1993. С. 68–69.

143 *Флоровский Г., прот.* Пути Русского Богословия. 3-е изд. Paris: YMKA-PRESS, 1983. С. 50.

144 *Зиборов В.К.* Арсений Грек // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. Спб., 1992. С. 105–108.

145 *Белоброва О.А., Матвеева Е.Н.* Арсений Сатановский (Корецкий) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 110–112.

146 *Панченко А.М.* Епифаний Славинецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 309–313.

147 *Матвеева Е.Н.* Дамаскин Птицкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 247–248.

148 *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 6. С. 310–311, 345–347; *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1883. Кн. 12. С. 489–495; *Каптерев Н.Ф.* О Греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии // Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной Академии. М., 1889. Кн. IV. С. 598–599, 621–622; *Смецовский М.* Братья Лихуды. С. 7–8; *Экономцев И.Н.* Предыстория создания Московской Академии и ее первоначальный период, связанный с деятельностью братьев Лихудов. С. 50; *Фонкич Б.Л.* Из истории греческо-украинско-русских культурных связей в первой половине XVII в. // Византийский временник. Т. 52. М., 1991. С. 141–147.

149 *Зиборов В.К., Лобачев С.В.* Алексей Михайлович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 70–72.

150 *Белоброва О.А.* Морозов Борис (Илья) Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. СПб., 1993. С. 362–363.

151 *Ромодановская Е.К.* Стефан Вонифатьев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. СПб., 1998. С. 500–503.

152 *Кашкин Н.Н.* Родословные разведки: Посмерт. изд. с портр. авт. / Под ред. Б.Л. Модзалевского. СПб., 1912. Кн. I. С. 402–449.

153 *Бубнов Н.Ю.* Никон (в миру Никита Минов) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 400–404.

154 *Белоброва О.А.* Матвеев Артемон Сергеевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 341–343.

155 *Белоброва О.А.* Ордин-Нащекин Афанасий Лаврентьевич (во иночестве Антоний) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 427–429.

156 *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 6. С. 347; *Румянцева В.С.* Ртищевская школа // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 182–183; *Челышев Е.П.* «Ртищевское братство»

в Андреевском монастыре // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России: Сб. докл. конференции 17–21 ноября 1998 года, Москва / Под общ. ред. прот. Бориса Даниленко. М., 1999. С. 67–70.

[157] *Каптерев Н.Ф.* О Греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии. С. 613–615; *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, М.А. Голубев, 1914. Т. 1. С. 133–135.

[158] Житие Федора Ртищева // Древняя российская вилиофика. 2-е изд. Н.И. Новикова. М., 1791. Ч. 18. С. 402.

[159] *Киселева М.С.* Истоки российского образования во второй половине XVII в.: Малороссийское влияние // Философский век: Альманах. Вып. 28: История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 1 / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. С. 82–83.

[160] *Панченко А.М.* Голосов Лукьян Тимофеевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 214.

[161] *Панченко А.М. и др.* Симеон Полоцкий (в миру Самуил (Емельянович?) Петровский-Ситнианович) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. С. 362–379.

[162] *Исаченко-Лисовая Т.А.* Евфимий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А–З. СПб., 1992. С. 287–296.

[163] *Белоброва О.А.* Дамаскин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А–З. СПб., 1992. С. 246–247.

[164] *Панченко А.М. и др.* Сильвестр (в миру Семен Агафоникович Медведев) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. СПб., 1998. С. 354–361.

[165] *Каптерев Н.Ф.* О Греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии. С. 606–613; *Смендовский М.* Братья Лихуды. С. 19–22; *Экономцев И.Н.* Предыстория создания Московской Академии и ее первоначальный период, связанный с деятельностью братьев Лихудов. С. 51.

[166] *Адам Олеарий.* Описание путешествия в Московию. М.: РусиЧ, 2003. С. 261.

[167] *Белокуров С.А.* Адам Олеарий о греко-латинской школе Арсения Грека в Москве в XVII в. / Реферат, чит. в заседании VII Археол. Съезда 7 авг. 1887 г. М., 1888; *Каптерев Н.Ф.* О Греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии. С. 598–603.

[168] *Каптерев Н.Ф.* Следственное дело об Арсении Греке и ссылке его в Соловецкий монастырь // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1881. Июль. С.70–96.

[169] *Лукичев М.П.* К истории школьного образования в России в XVII веке // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси (Малоисследованные проблемы и источники). М., 1983. С. 85–86.

[170] История создания Иверской обители на Валдае. (http://iveron.ru/main.php?id=history_iver).

[171] *Лукичев М.П.* К истории школьного образования в России в XVII веке. С. 86.

[172] *Фонкич Б.Л.* К истории организации славяно-греко-латинского училища в московской Бронной слободе в конце 60-х годов XVII в. // Очерки феодальной России: Сб. статей. Вып. 2. М.: УРСС, 1998. С. 205–206.

[173] *Горский А.* О духовных училищах в Москве в XVII столетии // Творения святых отцов в русском переводе с прибавлениями. М., 1845. Кн. 3. С. 168–171.

[174] *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 387.

[175] Их публикация: *Фонкич Б.Л.* К истории организации славяно-греко-латинского училища в московской Бронной слободе в конце 60-х годов XVII в. С. 216–225.

[176] *Буланин Д.М.* Шматковский Иван Андреевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Спб., 2004. С. 290–293.

[177] *Лаврентьев А.В.* К истории создания училища в московской Бронной слободе в XVII веке // История СССР / РАН. Ин-т рос. Истории. М.: Наука, 1991. № 3. С. 194–196.

[178] Переиздавались во второй половине XVII в. неоднократно, их общий тираж достиг 150 тысяч экземпляров.

[179] При нескольких переизданиях во второй половине XVII в. их общее число составило 300 тысяч экземпляров.

[180] *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Третье изд. Paris: YMCA-PRESS, 1983. С. 30–81; *Адрианова-Перетц В.П., Воронин Н.Н., Еремин И.П.* [Введение: Литература кануна реформы (1640-е – 1690-е годы)] // История русской литературы: В 10 т. Т. II. Ч. 2: Литература 1590-х – 1690-х гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 129–181; *Зеньковский С. [А].* Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. München: Fink, 1970; *Панченко А.М.* Русская культура в канун Петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. III (XVII – начало XVIII века). 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 10–261; *Большаков В.П., Володина Т.В., Выжлецова Н.Е.* Своеобразие русской культуры в ее историческом развитии. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. С. 103–127; *Сазонова Л.И.* Русская культура конца XVII в. перед выбором пути // Человек между Царством и Империей: Сб. мат-лов междунар. конф. / Под ред. М.С. Киселевой. М.: РАН. Ин-т человека, 2003. С. 184–200; *Миндич Д.А.* Культура Москвы XVII века // Интернет-проект «История Москвы». (http://www.clio.orc.ru/hm14.htm).

[181] Публикация: *Каптерев Н.Ф.* О Греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии. С. 672–679.

[182] Публикация: *Смеицовский М.* Братья Лихуды. Приложения. С. VI–XXVI.

[183] *Корсакова В.* Феодор Алексеевич // Русский биографический словарь: В 25 т. / А.А. Половцов. М., 1896–1918. Т. «Яблоновский – Фомин». С. 249–264.

[184] *Смирнов П., свящ.* Иоаким патриарх Московский. М., 1881.

[185] См., напр.: *Рогов А.И.* Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVII века. Часть вторая. М., 1979. С. 142–154; *Володихин Д.М.* Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. М., 1993. С. 9–79; *Богданов А.П.* К полемике конца 60-х – начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедче-

ские заметки // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв. М., 1986. С. 177–209.

[186] *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. Сергиев Посад, 1912. С. 319–320.

[187] *Фонкич Б.Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. (Типографская школа) // Очерки феодальной России: Сб. статей. Вып. 3. М.: УРСС, 1999. С. 152–168.

[188] *Экономцев И.Н.* Предыстория создания Московской Академии и ее первоначальный период, связанный с деятельностью братьев Лихудов. С. 53.

[189] *Фонкич Б.Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 168–171, 203, 217–221.

[190] *Волков Л.В.* Типографская школа – первое крупное учебное заведение в России // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси (Малоисследованные проблемы и источники). М., 1983. С. 92; *Фонкич Б.Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 209–210.

[191] *Фонкич Б.Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 172–177, 224–227.

[192] *Каптерев Н.Ф.* О Греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии. С. 653–654.

[193] *Фонкич Б.Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 157–161, 229–232.

[194] *Фонкич Б.Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 180–185.

[195] Прежде его ошибочно отождествляли с другим московским греком – Мануилом Ивановичем Левендатовым (*Горский А.В.* О духовных училищах в Москве в XVII столетии. С. 174–175; *Экономцев И.Н.* Предыстория создания Московской Академии и ее первоначальный период, связанный с деятельностью братьев Лихудов. С. 53).

[196] *Волков Л.В.* Типографская школа – первое крупное учебное заведение в России. С. 92; *Фонкич Б.Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 194–199.

[197] *Фонкич Б.Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 199–201.

[198] *Рамазанова Д.Н.* Богоявленская школа – первый этап Славяно-греко-латинской академии // Очерки феодальной России. Вып. 7. М.: УРСС, 2003. С. 211–237.

[199] *Фонкич Б.Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 204–205.

[200] *Белоброва О.А.* Головин Николай Семенов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 212; *Вознесенская И.А.* Николай Семенов Головин – духовный писатель конца XVII – начала XVIII века (проповедь как исторический источник) // Историография и источниковедение Отечественной истории. Сб. науч. ст. и сообщений. СПб., 2001. С. 36–41; *Рамазанова Д.Н.* Книги из собрания справщика книгопечатного двора Николая Семенова Головина (к истории частных библиотек конца XVII – начала XVIII в.) // Румянцевские чтения: Мат-лы междунар. конф. (11–13 апреля 2006) / Ред.-сост. Л.Н. Тихонова и др. М.: Пашков дом, 2006. С. 230–235.

[201] *Буланина Т.В.* Полетаев Федор Герасимов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. С. 257–258.

[202] *Белоброва О.А., Буланин Д.М.* Федот (Федор) Агеев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. С. 80–82.

[203] *Буланин Д.М., Зиборов В.К.* Федор Поликарпов Орлов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. С. 105–130.

[204] Историческое известие о Московской академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное преосвященным Смоленским Гедеоном Вишневским // Древняя Российская вивлиофика. 2-е изд. Н.И. Новикова. Ч. 16. М., 1791. С. 295–306.